

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

Студенческий центр МГУ

Научное студенческое общество ИСАА при МГУ

**Материалы
Международной научной конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых
«Ломоносов-2005»
(15-19 апреля 2005 г.)**

Секция «Востоковедение, африканистика»

Москва
2005

Редакционный совет сборника:

Л. В. Гевелинг (председатель), Д. В. Деопик, В. Б. Иванов,
В. А. Мельянцев, А. А. Вигасин, А. Е. Кириченко,
А. Т. Габуев, П. В. Шлыков

Ответственный редактор-составитель:
П. В. Шлыков

М34 *Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2005». Секция «Востоковедение, африканистика». — М.: ИСАА при МГУ, 2005 — 106 с.*

В настоящий сборник вошли тезисы докладов, представленных на заседаниях секции «Востоковедение и африканистика» Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2005» (13-14 апреля 2005 г.).

© НСО ИСАА при МГУ, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАПРАВЛЕНИЕ «ИСТОРИЯ» 6

- А. Т. ГАБУЕВ
Понятия го и бан в гимнах «Шицзина» («Книги песен»).....6
- Ф. С. ЖИРОВ
Установление дома Цао в царстве Вэй по материалам Цзичжи туньцзяня (Сьма Гуана). (1-ый (220 г) и 2-ой (221 г) год правления Цао Пи в царстве Вэй.9
- О. И. ЗАХАРЕНКО
Топонимия Китая: отражение историко-культурного своеобразия страны (этнографический анализ).....11
- В. В. ЗЫКОВА
О принципах метода анализа содержания иньских надписей на основе базы данных15
- Е. Ю. ИВАНОВА
Иранский историко-культурный фактор в формировании мусульманской культуры Центральной Азии17
- А. А. КОЧЕШКОВ
Политика государственного строительства Реза-шаха и проблемы сепаратизма («усмирение» племён).....19
- А. А. ЛИСИЦЫНА
Обряды жизненного цикла придворной аристократии периода Хэйан.22
- Ю. В. МАТВЕЕВ
Рост самосознания этнических меньшинств в политическом самоопределении штата Джамму и Кашмир.25
- Л. В. НИКИТИНА
Культура питания Японии: традиции и новации.....28
- Н. А. ОСИПОВА
Бидонвилли как этап городской жизни Марокко.29
- П. Ю. ПУЗИКОВА
К вопросу о становлении государственности династии Мин (XIV-XV вв.) 31
- Д. А. САМСОНОВ
К истории изучения корейского этикета (по материалам записок русских путешественников в Корею кон. XIX – нач. XX вв)34
- Ж. Г. ТИКАЕВ
Динамика взаимоотношений между Египтом и Османской метрополией в период между младотурецкой революцией и первой мировой войной (1908–1914 гг.)36

- П. В. ШЛЫКОВ
Эволюция вакфов в Османской империи в XVII-XVIII вв.37
- А. Н. ЦЕРЕРИН
Парратон (Книга царей): характеристика основных элементов структуры источника.....42

НАПРАВЛЕНИЕ «ФИЛОЛОГИЯ» 45

- Б. Х. БОРЛЫКОВА
К исследованию калмыцких музыкальных терминов45
- С. П. БОРХАРАЕВА
Названия калмыцкой пищи в сравнительном освещении.....47
- Е. А. ВАСИЛЬЕВА
Специфика содержания категории «синь» в сравнении с сунским и минским конфуцианством.49
- А. П. ВЫДРИН
Определительные словосочетания в адыгейском языке.....51
- К. В. ГОЛОВИНА
К вопросу о древности традиции японского женского кукольного театра53
- Ю. А. ДРЕЙЗИС
Структурный анализ современного китайского стиха (к вопросу о формальном проведении границы между современной прозой и поэзией)..55
- И. М. ДЬЯКОВ
Основное о строении синтаксической конструкции с s в амхарском языке.....57
- К. А. КОЖА
«Буквенные слова» в современном китайском языке.....60
- Л. Ю. ХРОНОПУЛО
Непрямое употребление императивных форм в современном японском языке.....62
- Б. С. ХУЛХАЧЕЕВ
Военная терминологическая лексика калмыцкого языка.....64

НАПРАВЛЕНИЕ «ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА» 68

- М. В. АЛЁХИН
Инвариантные расчеты нормы и источников капиталовложений в развивающихся странах на рубеже XX-XXI вв.68
- А. Л. ГЕВЕЛИНГ
Банковский сектор как один из каналов «отмывания грязных денег».70

Р. А. ЕПИХИНА	
<i>Гидроэнергетика Китая: проблемы и пути их решения</i>	72
И. Н. ЗЮЗИН	
<i>Некоторые особенности развития «Новой экономики» в странах ЮВА. Высокорисковое инвестирование</i>	75
А. Е. КОРОВИНА	
<i>Вьетнамский патриотизм как один из важнейших факторов победы в антиимпериалистической войне против США</i>	78
Д. В. КУЗНЕЦОВ	
<i>Иракский кризис и общественное мнение в странах Запада</i>	80
А. В. МИХАЛЁВ	
<i>Образ Чингисхана в политической культуре Монголии 1920-х годов</i>	82
Н. И. ПИСКУНОВА	
<i>Специфика анализа современных политических процессов в странах Тропической Африки</i>	84
С. В. ПОНАМАРЕВ	
<i>Основные факторы усиления геополитического влияния КНР в АТР</i>	87
Е. А. РОГАШОВА	
<i>Великобритания и палестинская проблема на Парижской мирной конференции 1919 года</i>	91
Ф. Г. СУСОВ	
<i>Временное население в Китае</i>	93
А. А. ТАРБЕЕВА	
<i>Особенности государственного регулирования иностранных инвестиций во Вьетнаме</i>	98
Т. С. ХАБИЕВ	
<i>Центральноазиатский регион СНГ как новое геополитическое образование</i>	100
SAMVEL G. FARMANYAN	
<i>Some Feedback Impacts of Japanese Postwar Transformation on the Contents of Ethnic Identity</i>	102

НАПРАВЛЕНИЕ «ИСТОРИЯ»

Понятия *го* и *бан* в гимнах «Шицзина» («Книги песен»)

А. Т. Габуев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В большинстве языков существуют слова, которые переводятся на английский (язык большинства современных работ по социальной и политической науке) как *state*. В русском языке термин «*state*» передается словом «государство». В современном китайском языке и в *вэньяне*, языке классических текстов, таких слов два – *го* и *бан*. Обычно эти два слова воспринимаются синологами как полные синонимы, а их наличие в древнекитайских текстах трактуется как свидетельство существования государства-*state*. Неоднозначность подобной интерпретации будет показана в данной работе на примере употребления терминов *го* и *бан* в одном из наиболее известных текстов китайской древности – «Шицзине» («Каноне песен», далее в тексте – ШЦ). Данные тезисы обобщают результаты исследования раздела ШЦ «Гимны» («Сун»), в который включались ритуальные песнопения, использовавшиеся во время жертвоприношений предкам правителей династии Западное Чжоу (1049-771 гг. до н.э.). Данный раздел состоит из трех подразделов: «Гимны Чжоу» (скорее всего, аутентичные тексты ритуальных гимнов, созданные в XI-X вв. до н.э.), «Гимны Лу» и «Гимны Шан» (создание этих двух подразделов, вероятно, относится к IX-VII вв. до н.э.). Ссылки на отдельные тексты ШЦ даются в версии школы «древних писем» (т.н. «список Мао»).

Исследование проводилось в жанре своеобразного «физиологического очерка» – мы составили базу данных, в которой были учтены все контексты употребления *го* и *бан* в гимнах ШЦ. Мы исходили из того, что значения слов *го* и *бан* нам изначально неизвестны, а потому по принципиальным соображениям отказались переводить эти термины, пожертвовав удобством читателя. Далее мы исследовали: 1) могут ли *го* и *бан* сами совершать действия (т.е. являться субъектами); 2) кто может совершать действия в отношении *го* и *бан*, когда они являются объектами; 3) все действия в отношении *го* и *бан* (глаголы); 4) все определения к *го* и *бан*. После этих операций мы пытались очертить круг значений, которые могли иметь термины *го* и *бан* в данном разделе. Если тот или иной контекст допускал множественность интерпретаций,

мы учитывали это. В итоге мы давали значение *го* и *бан* для каждого раздела, сравнивали эти значения между собой.

В «Гимнах Чжоу» встречается лишь одно из изучаемых нами понятий – *бан*. Это понятие встречается четыре раза в четырех из 31 текстов данного подраздела ШЦ. Можно предположить, что понятие *бан* имеет в «Гимнах Чжоу» два основных измерения – **человеческое и пространственное**. На то, что *бан* является пространством, на наш взгляд, может указывать текст Мао 273, в котором *бан* подвергается объезду. Тогда подчиненность и принадлежность *бан* Сыну Неба в этом тексте следует интерпретировать как принадлежность правителю определенного пространства. То же можно сказать о сочетании *эрбан* («Ваши *бан*») в тексте Мао 269. На наличие у *бан* «социального» значения прямо указывает текст Мао 290, в котором *бан* и семья как части одного бинома выступают как реальности одного порядка (сведение в один бином пространственной и социальной категории было бы сочетанием слов из разных семантических рядов), наводит на мысль о том, что *бан* может являться и социальным организмом. Действительно, все четыре контекста допускают подобную интерпретацию: объезжать и усмирять можно не только (и не столько) пространство, сколько и людей. Наша гипотеза заключается в том, что термин *бан* в «Гимнах Чжоу» обозначает **совокупность людей и возможно, пространство их проживания**. При этом стоит отметить, что данная реальность не выступает, в отличие от современного государства, в качестве производителя действия, а является лишь объектом воздействия. Действительно, в разбираемых текстах деятелями являются правитель (Мао 269, 273, 294), члены его семьи (Мао 290), воины (Мао 294), но никак не *бан*. Также в «Гимнах Чжоу» нет прямых указаний на то, что *бан* является единицей административно-территориального деления – при множественности *бан* не существует понятия, которое бы их объединяло. Единственный раз встречающееся в тексте Мао 296 понятие Поднебесная с *бан* никак не связывается и имеет исключительно пространственное значение.

В «Гимнах Лу» употребляются оба исследуемых нами термина, причем они употребляются только в одном тексте (Мао 300) из четырех, составляющих данный подраздел. Термин *бан* встречается в Мао 300 пять раз, а термин *го* – два раза, причем один раз оба термина образуют бином *банго*. Из анализа контекстов их употребления очевидно, что они обозначают **разные реальности**. Термин *го* употребляется в «Гимнах Лу» как пространственная категория, при этом его основное

значение – земли, пригодные для культивации. В этом смысле *го* синонимичен термину *ту* (земля). *Го* всегда является объектом действия со стороны правителя, причем *го* в «Гимнах Лу» можно только «обладать». Термин *го* очевидно не несет в себе каких-либо политических и административных коннотаций. Термин *бан* более разнообразен в контекстах своего употребления. Его значение описывает коллектив людей, подчиненный правителю и занимающий определенное географическое пространство (пространство включается в поле описания!). С разной степенью доказательности можно утверждать, что *бан* может обладать собственным именем, временем существования, а также определяться в этнических категориях. *Бан* грамматически может выступать как субъект действия («смотреть»), однако это действие не носит политический и властный характер.

В «Гимнах Шан» встречаются оба изучаемых нами термина. Прежде всего, обращает на себя внимание преобладание *го* над *бан* – *бан* употребляется лишь один раз в одном тексте (Мао 303), в то время как *го* употребляется шесть раз в двух текстах (Мао 304 и Мао 305) из пяти, составляющих данный подраздел. Примечательно, что термины не пересекаются и употребляются в разных гимнах. *Бан* употребляется в «Гимнах Шан» в своем **пространственном** значении (хотя, конечно, всего один случай употребления является мало репрезентативным материалом). В то же время *го* является **пространственной и социальной категорией**. Главное в значении термина *го* – связь территории и населения с фигурой правителя. *Го* – это, прежде всего, подчиненное правителю пространство, населенное людьми. Это пространство наделяется собственными сущностными характеристиками – оно обладает размером, может делиться на части, может быть счастливо, а также может процветать.

Таким образом, вполне очевидно, что термины *го* и *бан* на раннем этапе своего существования (в том виде, как он представлен в гимнах ШЦ) означали различные явления. Примечательно, что ни одно из выделенных нами значений *го* и *бан* не совпадает со значениями современного термина государство-state, для которого характерны представления о государстве как о независимом агенте политического действия, юридическая фиксация статуса и задач данного политического института, функционализация властных отношений. Для подобного института в гимнах ШЦ вообще не находится референта. Если придерживаться концепции о номиналистичности человеческого мышления или разде-

лять гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, то отсутствие понятия говорит об отсутствии явления, а значит Западное Чжоу не являлось государством в строгом смысле этого слова.

Установление дома Цао в царстве Вэй по материалам *Цзичжи туньцзяня* (Сыма Гуана). (1-ый (220 г) и 2-ой (221 г) год правления Цао Пи в царстве Вэй.

Ф. С. Жиров

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Работа представляет собой результат исследования первых двух годов правления Цао Пи (220-221 гг.н.э.), первого правителя царства Вэй периода Троецарствия (220-280гг. н.э.), с точки зрения двух важнейших аспектов изучения событийной истории: установление власти монарха (220 г.) и её удержание (221 г.). В исследовании рассмотрен процесс перехода власти от династии Хань к Вэй. Цель – подробное изучение политической истории, о чём преимущественно говорится в источнике (*Цзичжи туньцзяне*).

Исследование предполагает использование методов исторического анализа, и в данном случае этот анализ был проведён на основе выявления и систематизации всех «действий», зафиксированных в хронике *Цзичжи туньцзянь*. Основной задачей нашего исследования является извлечение и систематизация исторической информации, скрытой в тексте.

Источником служит исторический памятник, написанный в XI в. *Цзычжи тунцзянь* («Всепроницающее зеркало, управлению помогающее»), который был составлен авторским коллективом под руководством Сыма Гуана (1019-1086 гг.) с 1067 по 1084 гг. н.э., и впервые напечатанный в Ханчжоу в 1086 г. Историческая хроника включает в себя 294 главы (цзюаня) и освещает события с 403 г. до н. э. по 959 г. н.э. События в источнике описаны по годам, которые в свою очередь включают сезоны, месяцы и дни.

В процессе работы использовался перевод памятника на английский язык, выполненный А. Фангом; топонимы, имена и некоторые ключевые понятия сверялись с оригиналом.

Результаты исследования. В ходе работы был исследован политический процесс, выявлены периоды развития этого процесса, и была дана характеристика этих периодов.

В докладе были рассмотрены два года правления Цао Пи, сначала вана, а затем и императора царства Вэй. Рассматривая 220 год, мы увидели, как молодой монарх занимает трон, делает первые назначения и пытается обезопасить престол от других претендентов. Мы проследили все основные события первого года правления новой династии. Если учесть факт внезапной смерти Цао Цао, отца Цао Пи, то этот год оказался благополучным для нового монарха. Он и его сторонники решили все первостепенные задачи: не дали захватить трон другим претендентам на власть, утомили восставшие округа, назначили чиновников и укрепили государственный аппарат.

Иными словами был рассмотрен переход власти от одной династии к другой. Было установлено, что весь 220 год был переходным – власть постепенно, в течение всего года переходила из рода Лю к роду Цао, и, что важно, этот переход, согласно *Цзичжи туньцзянь*, произошел мирным путем.

221 год оказался более насыщенным внешнеполитическими событиями. В этом году на историческую арену выходят еще два царства Шу и У, и тут уже у Цао Пи встает задача налаживания отношений с правителями этих государственных образований. Наряду с этим молодой правитель продолжает делать назначения и укреплять государственный аппарат.

Этот год представляет интерес потому, что монарх начинает проявлять себя как самостоятельный правитель. Часто он не соглашается со своими чиновниками и принимает решение сам.

В целом 221 год был тоже удачным для Цао Пи. Были решены внешнеполитические задачи (налажены отношения с царствами У и Шу, покорены восставшие племена) и еще больше укрепилась власть монарха.

1. *Бокцанин А.А.* Очерк истории государственных институтов китайской империи. – Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993

2. *Гумилев Л.Н.* Троецарствие в Китае. – Доклады Отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 5.1968.

3. *Смолин Г.Я.* Китайская хроника XI в. «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» и нормативные («династийные») истории. – Вестник СПбГУ. Сер.2, Вып. 2. 1995

4. *Смолин Г.Я.* «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» и взлет китайской исторической хронистики. – Востокведение и мировая культура, М., 1998.

5. *Смолин Г.Я.* Частные сочинения в источниковом арсенале китайской хроники XI в. «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее». – XXVIII научная конференция Общество и государство в Китае. М., 1998.

6. *Смолин Г.Я.* К вопросу о толкованиях и переводах заголовочного титула китайского летописного свода XI в. *Цзычжи тунцзянь*, или Почему «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее»? – XXXII научная конференция Общество и государство в Китае. М., 2002.

7. *Смолин Г.Я.* Китайский летописный свод «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» в чжурчжэньском государстве Цзинь. XXXIII научная конференция Общество и государство в Китае. М., 2003.

8. *Сьма Гуан* и др. *Цзычжи тунцзянь*. Т.1, Шанхай 1935.

9. The Chronicle of Three Kingdoms (220-265). Chapters 69-78 from the 资治通鉴 of Ssu-ma Kuang (1019 – 1086). Tr-d. and annotated by Achilles Fang. Cambridge, Massachusetts, 1965.

Топонимия Китая: отражение историко-культурного своеобразия страны (этнографический анализ)

О. И. Захаренко

Белорусский государственный университет

По мнению выдающегося востоковеда и талантливой художника Н.К. Рериха при изучении географических названий мы, прежде всего, заботимся об истоках. При этом «желающий прикоснуться к душе народа должен искать эти истоки. Должен искать не надменно и предубежденно, но со всей открытостью и радостью сердца» [5]. Однако при изучении культурно-исторического своеобразия стран и народов, как правило, исследователями не принимаются во внимание топонимические источники. Между тем, топонимия обладает богатым материалом для исследования и позволяет глубоко и обстоятельно осветить сущность определённого круга вопросов. Исходя из того, что географические названия являются индикаторами различных процессов, происходящих в определенном пространстве и времени, для изучения куль-

турно-исторического развития Китая предлагаем использовать топонимический метод исследования.

При таком подходе, используя топонимические данные, можно провести этнографический анализ региона [3]. При рассмотрении этнографической картины Дальневосточного региона можно выявить взаимосвязь этносов:

- топонимы, отражающие культ гор, долин, рек, присутствовали не только в Китае и в Монголии, но и в Сибири и в Центральной Азии, что является важным фактором межкультурного взаимодействия (Бурхан-Богдо, Богдо-Хан, Баян-Обо, Шаманка, Гурбан-Богдо, Сайхан-Богдо, Обо-Хид, Тянь-Шань, Куньлунь и т.д).

- лингвистические показатели гидронимов Востока свидетельствуют о межкультурном и языковом взаимодействии народов (Цзян (современное название реки Янцзы, которая в южнокитайской транскрипции обозначается как кянг), река Ганг (на всех индийских языках она называется Ганга), река ган в Корее, река Меконг в Индокитае).

- географические названия показывают взаимодействие трех религий «буддизм-конфуцианство-даосизм», двух пространств «Индия-Китай». Процесс взаимодействия религий повсеместно отражается в топонимии Китая. Даосизм благоговеет перед небожителями, поэтому в составе топонимов часто употребляется «сянь» – «небожитель: г. Сяньцзю – «жилище бога», пос. Сяньцзян – «бог прибыл». Распространены названия, содержащие иероглифы фо – «Будда»: г. Фошань – «гора Будды», у. Фоган – «холм Будды» и т. д. Идеи Конфуция ярко отражаются в китайском топонимиконе: наблюдаются многие названия с и - справедливость, жэнь гуманность, сяо - почтительность: г. Сяогань, г. Иу, нас. п. Жэньай.

- топонимика воссоздает мифологические представления народов, что исторически связывает этносы в единое целое. Так, представления о драконе отражаются в топонимии: Китая (р. Амур – Хэйлунцзян - «река черного дракона», г. Лунванмяо - «монастырь царя драконов», г.Лунцзин – «колодец дракона», и др; Вьетнама (залив Халонг – «опустившийся дракон, р. Хоанлонг – «золотой дракон», оз. Дамлонг – «болото дракона») [7].

- исходя из того, что топонимы образуются под влиянием этнического состава населения и контактирования языков, географические названия позволяют определить ареалы расселения различных народов.

При изучении топонимии можно также проанализировать культ неба, который распространен у многих восточных народов. Так, верховным божеством у монголов и тюрков является Тенгри, Тэнгер – «небо». Считается, что начало культа Тенгри относится к хуннскому «ченли» – «небо» [6]. Географические названия, восходящие к тенгри, распространены в Азии: Хан-Тенгри – вторая по высоте вершина Тянь-Шаня, озеро Тенгри-нур («небесное озеро») на Тибетском нагорье, поселение Тенгрик в Цайдамской впадине (провинция Цинхай в Китае), перевал Тэнгэрин-Дабан в Восточном Саяне. Китайский топоним Тянь-Шань тоже находится в этом ряду как калька с тюрко-монгольского Тэнгри-таг – «небесные горы».

Определяющими для культуры любого народа выступают присущие ему космологические представления, от которых зависит характер и содержание антропологические, онтологические, геополитические и исторические воззрений. Доминантной для культуры китайской цивилизации является пятичленная космологическая модель [4]. Рассмотрев китайскую модель мира с точки зрения топонимии, мы можем сделать следующие выводы:

- самоназвания Китая отражают эгоцентрический характер геополитических представлений древних китайцев (Чжунго (Срединное государство) и Тянься (Поднебесная));

- пять пространственно-временных зон космологической модели имеют реальные географические очертания, которые служат доказательством культа гор и рек.

Помимо раскрытия сущности космологической модели географические названия также отображают китайскую концепцию «Инь и Ян» – двух противоположных и взаимодополняющих начал. При анализе топонимов можно определить, что первоначально инь и ян означали теневой или солнечный склон горы или реки – такая символика отражает суть этих двух начал. Она заключается в том, что с одной стороны, они представляют лишь разные стороны одной горы, не отличающиеся друг от друга, с другой стороны, их различие обуславливается не внутренней природой склона, а некой третьей силой – солнцем, которое поочередно освещает оба склона (Шэньян, Хэньян, Цзянинь, Хуаинь, Гуйян и т.д.).

Географические названия имеют тысячелетнюю историю. Поэтому для востоковеда важно исследовать топонимику с исторической точки зрения. Один и тот же географический объект может иметь в разные

исторические эпохи разные названия. Это может быть вызвано следующими причинами: монархическими представлениями, когда полное переименования местности новым правителем означало отрицание заслуг своего предшественника в области политики, экономики и культуры; изменением условий исторического развития страны; миграцией народов на определенной территории; пестротой этнического состава населения; изменением политической принадлежности территорий [2].

Правильное понимание смысла географических названий дает богатый материал для изучения особенностей природных условий и хозяйственной деятельности людей [1]. Топонимы позволяют определить специфику географических условий местоположения объекта, характеристику национального состава населения, особенности экономических явлений, ареал распространения полезных ископаемых, растительности и древесных пород на местности и т.д.

При использовании топонимического метода исследования в полной мере изучается национально-культурная специфика страны, поновому анализируются межкультурные связи народов, раскрываются условия исторического развития страны. Изучение географических названий Китая помогает проникнуть в необъятную глубину истории этноса, раскрыть духовный мир и красоту души и психологии народа – творца названий.

1. *Зайчиков В.Т.* Путешественники древнего Китая и географические исследования в КНР. М., 1955.

2. *Захаренко О.И.* Географический разум государства (новый взгляд на проблемы топонимических исследований по материалам китайской топонимии) // Сборник материалов VI межвузовской научно-методической конференции молодых учёных. Брест, 2004. – С. 36 - 38.

3. *Захаренко О.И.* Топонимический метод исследования // Сборник трудов молодых учёных Национальной Академии Наук Беларуси. Т. 3. Мн., 2004. с. 41- 45.

4. *Кравцова М.* История культуры Китая. – Спб., 2003. с. 105

5. *Рерих Н.К.* Избранное. М., 1990. с. 301.

6. *Мурзаев Э.М.* Очерки топонимики. – М., 1974,

7. *Яншина Э.М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984.

О принципах метода анализа содержания иньских надписей на основе базы данных

В. В. Зыкова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Данные тезисы представляют результаты работы по реализации системного подхода к изучению иньских гадательных надписей на панцирях черепах и костях животных (甲骨文 *цзягувэнь*) как исторического источника по истории Китая в XIII–XI вв. до н.э. Хронологические рамки исследования приходятся на правления от У-дина до Диня (ок. 1245-1027 гг. до н.э.).

2. Наша задача заключалась в том, чтобы разработать и апробировать методику их анализа, а также провести проверку ее эффективности. Такая база данных содержит все необходимые данные о текстах источников: публикации, место нахождения, прорисовки знаков оригинала, перевод. Поскольку сообщения иньских источников очень кратки и сохранились в основном фрагментарные надписи, данный подход может оказаться продуктивным.

3. Было проведено два эксперимента – подготовительный и проверочный – на основе анализа базы данных, включавшей переводы текстов, помещенных в работах российских ученых. Первый, подготовительный, предполагал составление первичной базы, включающей в себя надписи, опубликованные в двух работах М.В. Крюкова [1], А.А. Серкиной [2]. Общее число – 309 единиц. В результате повторного эксперимента была составлена база данных, включающая в себя 1369 надписей. В ней учтено подавляющее большинство полных переводов надписей, опубликованных в русскоязычной литературе: в трудах М.В. Крюкова, А.А. Серкиной [2,3], С. Кучеры [4], Д.Е. Куликова [5], Д. Кэйтли [6]. Такая проверка была необходима перед переходом к составлению и анализу базы данных уже на основе публикаций массива оригинальных текстов. Мы исходили из того, что при увеличении числа записей более, чем в четыре раза, методика может быть признана эффективной, если результаты двух экспериментов в целом окажутся близки. Если нет и выявятся принципиальные изменения по основным показателям, то это значит, что методика нуждается в доработке.

4. Содержание всех надписей базы были классифицированы по темам содержания. При первом эксперименте было выделено 8 категорий. Критерием соответствия той или иной надписи определенной теме

(категории) послужило ключевое слово в надписи, т.е. слово, на которое падает смысловое ударение.

Например, надпись «в день дин-хай – ураганный ветер» относится к группе о погоде.

Таблица

	Эксперимент 1 (309)	Эксперимент 2 (1369)
1	О контактах с другими народами 16,3%	О жертвоприношениях предкам и духам 40,0%
2	О погоде 14,8%	О контактах с другими народами 15,0 %
3	О жертвоприношениях предкам и духам 13,1%	О погоде 9,1%
4	О сельскохозяйственных работах 13,1%	О благополучии 6,8%
5	Об охоте 8,8%	О сельскохозяйственных работах 6,4%
6	О благополучии 5,6%	Об охоте 4,8%
7	О времени 2,4%	О времени 0,5%
8	прочее 29,1 %	прочее 17,1%.

5. Второй эксперимент подтвердил правильность выделения групп – все они сохранились, новых не прибавилось. Можно предположить, что именно эти темы являются наиболее массовыми в иньских надписях. Изменились только количественное соотношение, что в данном случае отражает специфику использованных источников публикаций – резкое преобладание числа работ на данную тему (4,5,6).

6. Очевидно, что темы жертвоприношения предкам и духам, контакты с другими народами, о погоде является важнейшими. В целом принцип сохраняется (*о контактах с другими народами + о погоде + о жертвоприношениях предкам и духам = о жертвоприношениях предкам и духам + о контактах с другими народами + о погоде*).

7. В восьмую категорию (прочее) вошли все надписи, которые было сложно отнести к какой-либо группе по смысловому признаку. Например, текст надписи «Ши тоже заболел» (I-31)¹ по смыслу не соответствует ни одной из выделенных категорий, а текст надписи «ван в начинающейся седьмой луне вступит в Шан» (I-50) содержит сведения и о дате события, и топоним. Причем топоним в данном случае является ключевым словом, однако категория места не выделена, поэтому текст помещается в группу «прочее». Фрагменты надписей, например, «три-

¹ Римская цифра указывает период, а арабская – номер надписи в таблице №2.

ста стрелков» (I-44), также не могут быть отнесены к какой-либо категории.

8. В целом проверочный эксперимент показал, что методика анализа может быть применена при более сложных задачах и мы в праве ожидать новых результатов, важных для расширения представлений об истории Шан.

1. *Крюков М.В.* Язык иньских надписей. М., 1973.

2. *Серкина А.А.* Символы рабства в древнем Китае. М., 1982.

3. *Серкина А.А.* Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. М., 1973.

4. *Кучера С.* Древнекитайские тексты: Цзягувэнь и Шан шу – зеркало истории и культов Китая эпохи Шан-инь. – Восток, 2003 № 1, 2004 № 2.

5. *Куликов Д.Е.* Культы и ритуалы в Древнем Китае иньского периода (ок.1200-1045 гг. до н.э.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2004.

6. *David Keightly.* The Ancestral Landscape, Berkeley, 2002.

Иранский историко-культурный фактор в формировании мусульманской культуры Центральной Азии

Е. Ю. Иванова

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Формирование новой мусульманской культуры Ирана после арабского завоевания было обусловлено целым комплексом историко-культурных предпосылок. Зарождение новой культуры, представлявшей собой сплав древних иранских традиций и нововведений ислама не случайно нашло свои истоки на территории восточно-иранских областей и Центральной Азии. Западный и восточный Иран разделены труднопроходимыми солончаковыми пустынями Деште-Кевир и Деште-Лут, и на протяжении столетий имели очень слабые культурные связи и подвергались различным иноземным влияниям. Западный Иран географически более близок к такому очагу древней культуры, как Месопотамия. Развитие восточного Ирана и Центральной Азии шло под влиянием контактов с Индией и Дальним Востоком, а также под влиянием различных кочевых культур. Здесь сформировалась независимая от Передней Азии культура, оказывавшая впоследствии определенное влияние на передне-азиатские области.

Например, как утверждает В. В. Бартольд, иранский эпос был принесен племенем саков и, первоначально имел распространение на территории восточного Ирана [2]. В эпоху Сасанидов, непосредственно предшествовавшую арабскому завоеванию, государственная зороастрийская церковь способствовала исчезновению народных сказителей, также как и в Армении того времени героическая традиция гусанов (менестрелей) подвергалась гонениям со стороны христианства. В результате, центрально-азиатские и восточно-иранские территории стали прибежищем своих исконных традиций, давших потом почву Фирдуси и его «Шах-номе». Также гораздо менее однозначной была религиозная обстановка в данных областях. Помимо зороастризма и христианства, здесь были распространены и манихейство, и иудаизм, и буддизм (последний преимущественно в пределах современного Афганистана и бывшего Бухарского ханства). Таким образом, территории Центральной Азии и восточного Ирана, в силу их культурной и религиозной многоплановости, наряду с сохранением древних персоязычных традиций и иранского эпоса стали наиболее благоприятной почвой для нового культурного синтеза.

Значительным для культурного подъема IX – X вв. оказался и расцвет городской культуры. В древности города концентрировались вокруг храмов и обслуживали их нужды. Во времена господства Селевкидов на территории Ирана появляются города с полисным устройством. И лишь в эпоху Сасанидов, в период развития феодальных отношений в Иране, здесь получают распространение так называемые царские города, концентрирующиеся вокруг царских резиденций. Ремесло и торговля, сосредотачивающиеся в городе, занимают почетное положение. Более четкую организацию приобретают цеховые объединения ремесленников. Расцвет городской культуры сопровождался активным возведением дворцовых построек, привлекавшим лучшие художественные силы.

Без сомнения, большая роль принадлежит подъему новоперсидского языка в данный период и плодам деятельности участников движения шу'убийи. Специфика условий, в которых проходило арабское завоевание областей Центральной Азии и восточного Ирана, обусловила тот факт, что возрождению иранской культуры было положено начало именно в данном историко-культурном регионе и именно здесь сложились наиболее благоприятные условия для ее синтеза с нововведениями арабских завоевателей.

1. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972., с.344.
2. Бартольд В. В. К истории персидского эпоса. // Записки восточного отделения императорского Русского археологического общества, т. XXII, СПб., 1914., с.226.

Политика государственного строительства Реза-шаха и проблемы сепаратизма («усмирение» племён)

А. А. Кочешков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Ослабление иранской государственности на рубеже XIX-XX веков усилили процессы дезинтеграции страны. Важное значение приобрёл фактор сепаратизма племён, которые издревле играли важную роль в истории Ирана. В результате набегов воинственных кочевников на территории страны менялись династии, гибли империи. Племена нередко использовались внешними силами во внутривосточной борьбе, как это проявилось во время конституционного движения 1905-1911 годов и, особенно, при свержении Мухаммад-Али-шаха в 1909 году.

В задачу настоящего исследования входит изучение политики государственного строительства и беспрецедентной централизации страны, проводимой Реза-шахом Пехлеви в 20-х годах XX века. Главным инструментом внутривосточных устремлений Реза-шаха явилась созданная им из разрозненных вооружённых формирований единая армия Ирана. Именно она стала главной опорой режима в борьбе с племенами. Важно отметить, что процесс централизации страны происходил в два этапа: после «переворота 3 хута» (21 февраля 1921 года) и издания закона о военной реформе до коронации Реза-шаха, и от установления монархии Пехлеви до 30-х годов, когда поражением закончилось восстание кашкайцев, самого влиятельного племени иранской провинции Фарс. В этой связи при рассмотрении первого периода целесообразным было бы называть Реза-шаха Резой-ханом. В исследовании задействованы источники и литература на русском, английском, персидском языках, часть из которых была опубликована недавно в Иране и впервые вводится в исследовательский оборот.

После «переворота 3 хута», движущей силой которого была Персидская Казачья Дивизия во главе с Резой-ханом, было сформировано новое правительство. Реза-хан получил портфель военного министра и

энергично принялся за военную реформу, подготовленную ещё англо-иранской комиссией 1919 года. 3 января 1921 года был опубликован закон о военной реформе. Прежде всего, все воинские формирования: ПКД, жандармерия, центральная бригада, южноперсидские стрелки, сливались в армию под единым командованием. Вводился генеральный штаб, высший военный совет, который вскоре выработал воинский устав. Вся страна делилась на 5 военных округов, в каждом из которых располагалась дивизия со своей ставкой и штабом. На все высшие командные должности в армии Реза-хан назначал офицеров из своего окружения. Вплоть до 1924 года «Новая армия» комплектовалась по добровольному принципу. Прежняя система набора бониче упразднялась. Финансирование вооружённых сил осуществлялось за счёт казны (49% государственного бюджета) и из предоставленного британским правительством займа. За армией закреплялись ряд налоговых поступлений. Впоследствии командиры военных округов получили права участия в сборе налогов, что соответственно поставило финансы Ирана под контроль вооружённых сил. Это позволило установить высокую шкалу жалования для военнослужащих, хотя имел место большой разрыв в заработной плате рядовых и офицеров. Была установлена система пенсионного обеспечения и пособий семье погибшего военнослужащего. Следует отметить, что вместо обычной для каджарской эпохи практики приглашения иностранных специалистов Реза-хан предложил правительству направлять иранских офицеров на учёбу за границу. При этом он уволил всех старых иностранных военных советников. Исключения были сделаны только для находящихся в стадии зарождения авиации и флота. В 1924 году во Францию была отправлена первая группа иранских офицеров. Иранские лётчики проходили обучение как во Франции, так и в Советской России (Севастополь, Ленинград), иранские моряки – преимущественно в Италии.

Подразделения «Новой армии», не успев окончательно сформироваться, тут же отправлялись на подавление многочисленных мятежей и восстаний племён. В середине 1922 года начался затяжной поход против курдов хана Симко. В этом же году дала о себе знать и проблема Хузестана, когда полунезависимый правитель Мохаммеры шейх Хазаль организовал «Союз Южных Племен» и потребовал отставки Реза-хана. Однако демонстрация успехов «Новой армии» заставили Хазаль признать центральную власть. Впоследствии он был смещён, а во главе Хузестана стал военный губернатор. Борьба Реза-хана с Симко и Хаза-

лем происходили в условиях сильного давления англичан, которые использовали обоих племенных вождей в интересах собственной политики. В 1923 на короткое время были усмирены лурские племена.

После коронации Реза-шаха начался второй этап централизации Ирана. Он знаменовался политикой насильственного перевода кочевых племён на оседлый образ жизни и их экономической дискриминации. Действия властей встретили отчаянное сопротивление племён. Первые восстания вспыхнули в Систане и Белуджистане в 1926 году. Почти одновременное начались мятежи в Луристане и Курдистане. Но самым опасным для центрального правительства волнением кочевников стало восстание племён провинции Фарс и особенно кашкайцев 1927-1929 года. Важную роль в восстании племён сыграл и проведение в жизнь закона о всеобщей воинской повинности, ибо многие племена были свободны от воинских наборов при Каджарах. Следует заметить, что Реза-шах предпочитал держать племенных ханов в столице на положении заложников, в то время как племенами управляли назначенные военные губернаторы. Подавление восстаний характеризовалось кровопролитными боевыми столкновениями с использованием бронетехники и авиации. Нередко местные гарнизоны не справлялись своими силами с мятежами, и тогда Реза-шах перебрасывал в эти районы силы из только что покорённых областей. Так, наступление кашкайцев на Шираз в 1929 году потребовало мобилизации всех вооружённых сил Ирана. Для подавления восстаний власти нередко садились за стол переговоров, осуществляли подкуп, шли на уступки, использовали в своих интересах противоречия между мятежниками. Постепенно волнения племён пошли на убыль. Систан и Белуджистан были покорены в течение двух лет, Луристан – в течение трёх, а провинция Фарс бунтовала ещё вплоть до середины 30-ых годов. Окончательный удар по независимости племён этой провинции был нанесён строительством трансиранской железной дороги в 1938 году, обеспечившей бесперебойную связь южных провинций с центром. Новая административная реформа того же года подтвердила унитарное устройство иранской государственности.

Восстания племён Ирана можно рассмотреть и в геополитическом контексте. Почти одновременно с этим началось курдское восстание в Восточной Турции против политики Кемаля Ататюрка и движение племён Афганистана, оппозиционное режиму Аманулла. В том и другом случае племена вставали на сторону традиционных сил и оказыва-

ли сопротивление реформаторской политике режима, имевшей целью централизацию восточного государства по европейскому образцу.

Политика «усмирения» племён нанесла ощутимый удар по иранскому сельскому хозяйству, ибо значительно сократилось поголовье скота. Вследствие вооружённого конфликта и насильственного перевода к оседлому образу жизни кочевые племена Ирана понесли невосполнимые людские потери. В то же время Реза-шаху практически удалось разрешить главную проблему государственного строительства Ирана – централизацию страны.

1. Бюллетень прессы Среднего Востока. №8-9. 1930.
2. Сборник консульских докладов. Южная Персия. НКВД. М., 1932
3. *Иванов М.С.* Новейшая история Ирана. М., 1965
4. *Upton Josef.* The History of Modern Iran. An Interpretation. Harvard, 1961
5. *Саид Нафиси.* Иран дар асп-э Пахлави. Техран, 1939.
6. *Багер аколи.* Реза-шах ва гошун-э мотахедошшекл. Техран, 2003
7. *Голам Реза Али Бабаи.* Тарих-э артеш-э Иран. Техран, 2003

Обряды жизненного цикла придворной аристократии периода Хэйан.

А. А. Лисицына

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Данные тезисы представляют обобщенные результаты исследования системы ритуалов периода Хэйан. Основной источник – «Повесть о дупле», созданная во второй половине X века.

Как явствует из текста «Уцухо-моногатари», церемонии (восходящие к разнообразным религиозным традициям – синтоистские, буддийские, конфуцианские, даосские) выполняли в аристократическом обществе разнообразные функции:

1. *Государственная.* С одной стороны, все государственные события различных уровней (кадровые изменения в чиновничьем составе, интронизация, отречения императора и т.д.) были представлены как очень пышные ритуалы. С другой стороны, поскольку император обладал в представлении аристократов большими сакральными функциями, то любые действия, связанные с придворной службой, воспринимались как ритуальные.

2. *Иерархическая.* Во время любых более или менее массовых церемоний расположение того или иного участника (где он сидел или шел в процессии), его одежды, количество блюд, которое ему преподносили и т.д. – всё это было очень строго определено и призвано было отражать характерную для аристократического общества служебную, семейную и половозрастную иерархию.

3. *Статусная.* Кроме разделения людей на социальные группы, различные по своему положению, ритуал мог знаменовать собой переход из одной группы в другую. Как правило, такой переход происходил по восходящей – повышение в ранге, возрастная инициация или женитьба и т. д. (При этом в силу своей идеалистической направленности источник почти не содержит упоминаний о социальной мобильности по нисходящей линии).

4. *Светская.* Следует также отметить, что обряд, по сути своей религиозное мероприятие, являлся основным и практически единственным светским событием, где аристократы могли общаться с людьми своего положения, но выходящими за рамки их семьи и места службы. Какой бы повод ни служил к пиру, в подавляющем большинстве случаев повод этот был тем или иным религиозным событием. И наоборот, практически любые религиозные ритуалы, кроме связанных с трауром, служили поводом для празднования (светского по содержанию).

5. *Культурно-эстетическая.* Также большое количество культурных мероприятий (исполнение танцев, музыкальных произведений, сочинение стихов) было связано с ритуалами. Особенно хорошо это видно на примере синтоистских праздников, обязательным элементом которых было исполнение «священных песен и плясок». Во время исполнения обрядов огромное внимание уделялось эстетической стороне. Хотя о хэйанской придворной культуре нельзя сказать, что она была религиозной по своему характеру, все же большое количество художественных произведений было создано на религиозную тему и многие из них исполнялись во время религиозных ритуалов.

6. *Защитная.* С помощью ритуалов пытались справиться с любыми кризисными ситуациями – в первую очередь, с болезнями (ритуалы, выполняющие такую функцию часто сводились к заклинаниям, однако часто имели большое практическое значение, особенно те, которые связаны с рождением ребенка). Вообще, обязательным считалось заручиться поддержкой потусторонних сил в любом мероприятии, исход

которого не был заранее известен, что придавало определенную степень уверенности.

7. *Религиозная.* Важно отметить, что религиозную функцию (то есть свою изначальную) ритуалы выполняли редко. Один из героев романа прямо говорит о том, что посещение храмов нагоняет на него тоску. Выполняя тот или иной обряд, аристократы (насколько об этом можно судить по источнику) реже заботились об обращении к высшим силам и чаще о пышности, эффекте, который обряд произведет и так далее.

При классификации учитывался, главным образом, временной фактор (поскольку его можно установить практически в любом случае). В соответствии с этим признаком ритуалы были разделены на три группы: 1) **календарные** (например, праздник нового года, 5 дня 5 месяца, праздник хризантем, день рождения будды Шакьямуни, праздник нового урожая); 2) **семейно-возрастные** (хотя они не имели, фиксированной календарной даты, но обязательно должны были происходить в течение жизни человека на определенном ее этапе); 3) **окаzionaliальные** (т.е. совершаемые во время ситуаций непредвиденных или происходящих относительно редко). Подобная классификация совпадает с упрощенным вариантом классификации ритуалов, созданной Э.Дюркгеймом, хотя и не была создана под ее влиянием.

По источнику можно установить большое количество ритуальных запретов (связанных, в основном, с поведением в местах, оскверненных по синтоистским представлениям, с перемещением в пространстве в благоприятные или неблагоприятные дни).

В ритуальной жизни в той или иной степени были задействованы все члены аристократического общества, однако в зависимости от ритуала они могли выступать в качестве организатора церемонии, объекта ее воздействия (например, при болезни или во время родов), священнослужителя (этим часто занимались «профессионально»: буддийские монахи, профессиональные исполнители священных песен и плясок, в таком качестве выступал император, скажем, во время праздника нового урожая), просто зрителя или, наконец, прислуги (например, наложницы императора, рожая его детей, стояли в центре ритуала, а во время дворцовых пиров могли выполнять роль слуг). Лица, занимающиеся обрядовой деятельностью профессионально, могли, тем не менее, из года в год выполнять одни и те же ритуальные функции. Например, распорядительница из отделения дворцовых прислужниц, параллельно со своими прямыми служебными обязанностями, на протя-

жении всей жизни исполняла церемонию купания новорожденных в самых влиятельных аристократических семьях. Можно сказать, что отношения между организатором церемонии и ее исполнителем носили характер найма (однако, прямых указаний на это в источнике нет). Кроме того, на основе материалов повести можно выделить возможные варианты места и времени проведения тех или иных ритуалов.

Интересны взаимоотношения между разными религиями, складывающиеся в рамках ритуальной жизни. Хотя различные культы обслуживали (профессионально) разные люди, к их услугам могли прибегать в одном и том же случае (оказиональные обряды, ритуалы, совершаемые при родах), причем противоречия между ними это не вызывало. Во время родов одновременно выстраивали свое поведение в соответствии с представлениями о ритуальной нечистоте этого процесса, выполняли китайский ритуал отпугивания злых духов (звенели тетивой), «молились богам и буддам». Если на один и тот же день выпадали разные ритуалы (например, любой календарный праздник мог совпасть с семейно-возрастным, скажем, каким-либо сроком после рождения ребенка), то проводили обе церемонии. Можно сделать вывод о том, что во многом предписания местных верований *синто* выполнялись строже, чем ритуальные практики, пришедшие из Китая.

Рост самосознания этнических меньшинств в политическом самоопределении штата Джамму и Кашмир.

Ю.В. Матвеев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

1. Этническая карта штата Джамму и Кашмир очень пестра, при этом народы и народности отличаются друг от друга по конфессиональной принадлежности, культурным характеристикам, а также по уровню социально-экономического развития. Кашмирцы являются наиболее многочисленным (3,1 млн чел., около 65%) этносом в штате, абсолютное большинство среди них – мусульмане. Они проживают практически исключительно в Кашмирской долине, составляющей 16% территории штата. Соответственно, около 35% населения Джамму и Кашмира составляют этнические меньшинства, занимающие около 80% его территории. Второй по численности этнической группой являются догры (1,4 млн чел., более 90% из них – индусы). Племена гуджаров и пахари, живущие в труднодоступных горных областях, насчи-

тывают 1,1 млн чел. На востоке штата – в Ладакхе – представлены близкие тибетцам народности ладакхи и балти. Ладакхи исповедуют буддизм, балти – в основном шииты [1].

2. Особенностью штата является компактное проживание различных народов и племен в рамках его регионов, что неизбежно препятствует их политической и социально-экономической интеграции и создает объективные предпосылки для складывания разнонаправленных по интересам этнических групп. В первые два с лишним десятилетия после получения Индией независимости центральное правительство страны успешно сдерживало рост этнорегионалистских настроений внутри штата. К тому же у многих народов и племен в силу низкого уровня их развития процессы этнической консолидации проходили медленно (балти, гуджары, пахари, ладакхи). У догров укреплению этнического самосознания препятствовала близость к более многочисленному и развитому панджабскому этносу, а также сильная кастовая система.

3. Всплеск регионалистских настроений среди этнических меньшинств штата приходится на конец 1970-х – начало 1980-х гг. Этот процесс стимулировался тем, что в конце 1970-х гг. в нем окончательно утвердился режим власти кашмирских этнонационалистов. Постепенное повышение роли кашмирцев в экономике штата, а также в политическом руководстве приводило к тому, что влияние других народов на его развитие снижалось. Ситуация усугубилась экономическими трудностями, с которыми столкнулся Джамму и Кашмир в начале 1980-х гг. В условиях, когда власть в штате находилась целиком в руках кашмирской элиты, представители элит этнических меньшинств осознавали свои интересы как отличные от интересов кашмирцев и выдвигали требования расширения своего участия в политических структурах штата, а также предоставления соответствующим этническим группам статуса списочного племени или списочной касты (в случае с индусами). Этот статус давал существенные политические и экономические преимущества в соответствии с Конституцией Индии.

Развитие этнорегионализма в Джамму и Кашмире не привело в указанный период (рубеж 1970-х – 1980-х гг.) к выдвиганию меньшинствами требований конституционного переустройства штата с целью добиться лучшей аккомодации своих интересов. Это было связано со слабой политической организованностью большинства народов, разобщенностью и сравнительной экономической и политической слабо-

стью непосредственно участвовавших в движении социальных слоев [2].

4. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в условиях кризиса институтов представительной демократии и приостановки деятельности партийно-политической системы в штате усилился политический экстремизм. Выросла популярность идей изменения конституционного устройства Джамму и Кашмира. Произошла радикализация требований меньшинств: на первый план вышли лозунги выделения Ладакха в союзную территорию и создания отдельного штата на территории Джамму. После проведения в 1996 г. выборов в законодательное собрание штата и возобновления политического процесса наблюдается определенный отход этнических меньшинств от радикальных позиций (выдвижение требования автономии в рамках единого штата Джамму и Кашмир вместо отделения), однако по существу их проблемы остаются нерешенными, что неизбежно препятствует стабилизации обстановки в штате [3].

5. Для эффективной работы институтов представительной демократии в Джамму и Кашмире необходимо обеспечить учет в ее рамках интересов основных меньшинств штата. Правительство Индии не готово пойти на раздел Джамму и Кашмира по этнолингвистическому принципу и наиболее перспективной моделью аккомодации интересов всех основных народов в Джамму и Кашмире на сегодняшний момент представляется коалиционность на уровне правительства штата, в котором были бы представлены политические силы, отражающие интересы основных групп населения штата. Необходимо также обеспечить культурную автономию всех этноконфессиональных общностей штата. Это позволит стабилизировать обстановку в штате, а также приведет к переносу борьбы вокруг моделей его управления в мирное политическое русло.

1. Jammu, Kashmir and Ladakh: Linguistic Predicament (Ed. by Pushp P.N., Warikoo K.); New Delhi, 1998, pp. 186 – 189.

2. *Ashghar Ali Engineer*, Kashmir and Punjab: Comparative Perspective// *Genesis of Regional Conflicts*, ND, 1994, pp. 75 –76.

3. *Toshkhani S.S., Kaul B.L., Raina M.L.* Kashmir: The Crisis in Perspective, Jammu, 2000, p. 79

Культура питания Японии: традиции и новации

Л. В. Никитина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Обширная тема «Культура питания Японии: традиции и новации» может быть отнесена к самым актуальным и интересным сферам исследования историко-культурного поля Японии.

Путь развития системы питания в Японии долог и удивительно поучителен. Опыт в этой области говорит о том, что заимствование здесь никогда не было безусловным, проходя длительный путь апробации, переработки или отстранения. Был период (послевоенные годы) активного введения в рацион продуктов животного происхождения (мясо, масло, маргарин и др.), приведшее к серьёзным последствиям для здоровья нации. В современных условиях идёт постоянная модификация системы питания. Изменились и продолжают меняться социальные, социально-экономические условия жизни многих стран. Происходит смена ролевой ситуации в семье. Увеличение числа работающих женщин потребовало создания и постоянного расширения системы общественного питания, разветвлённой индустрии пищевых полуфабрикатов. Питание вне дома, на ходу, а не за общим домашним столом, объединяющим всю семью, стало неистребимой новацией.

В корне изменилось и меню, в сторону необычайного расширения набора предоставленных блюд. Процесс интернационализации и глобализации нашёл и здесь своё отражение.

Именно сейчас тема эволюционного процесса развития национальной системы питания Японии приобретает особую значимость для исследования. Последние десятилетия позволяют говорить о формировании сложившейся и успешно действующей, стабильной жизненной практике. Она логично и перспективно совмещает традиционность (не только в кухне, но и жилищных стандартах – например, появление столовой, которой ранее не существовало в японском доме), - с выборочным проявлением жизненных систем Запада (в широком смысле слова).

Обращение к традиционной кухне, как важнейшей части общей системы питания нации и воспитания молодого поколения, буквально стало темой многочисленных исследований, в том числе и научных, сюжетов книг, изданий для детей и юношества. Кроме того, это стало значительной сферой работы телевидения: почти каждый день, и не на

одной программе можно увидеть красочный, с детальной информацией «кухонный сценарий».

Центром и основой исторически сложившейся системы питания японца является рис. Культура его возделывания сложилась в первые века нашей эры. Несмотря на казалось бы внешнее единство – рис, весьма разнообразен по своей форме, цвету и вкусовым качествам – рис круглый, золотой, серебристый, длинный и так далее.

Японец однозначно отдаёт предпочтение своему, японского происхождения рису.

Сложившейся и действующей сегодня спецификой национальной кухни является рис, который находится в центре системы питания, группирует вокруг себя окружение, состоящее из множества, не редко из 10-15 блюд-дополнений. Это овощи, разнообразная зелень, морепродукты (рыба, водоросли, моллюски), а также мясо и множество разнообразных приправ, являющихся важными составляющими каждого блюда и главной частью которых являются соевый соус и японский хрен (васаби).

Итак, новыми важными составляющими, совмещающими западные стандарты, являются введение молока и молочных продуктов, а к традиционным видам напитков добавляются вина и различные виды минеральных вод.

Бидонвили как этап городской жизни Марокко.

Н. А. Осипова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Городские поселения, называемые «бидонвиль», появились в Марокко в течение двух первых десятилетий XX века. Именно бидонвили явились для сотни тысяч сельских жителей единственной возможностью закрепиться и обосноваться в новой и непривычной для них городской обстановке.

Термин «бидонвиль», получивший столь широкое распространение во французской колониальной литературе, до 60-х годов не фигурировал ни в одном словаре французского языка, хотя появился на североафриканском континенте (скорее всего именно в Марокко) в начале 20-х годов XX века.

Интересно, что понятие «бидонвиль» употреблялся лишь в среде франкоговорящих марокканцев, все остальные обитатели этих районов

использовали в обиходе слово «кариан». При чем последний термин также не встречался ни в одном словаре, даже магрибинского диалекта. Оно ведет свое происхождение от французского слова «carrière». Интересно, что термин «кариан» имел распространение только в Касабланке, в Рабате и Сале употребляли привычное сельское «дуар» [1].

В Касабланке бараки множились на незастроенных городских территориях, владельцы которых выжидали время, рассчитывая на повышение цен на землю. Периодически обитатели барачков были вынуждены перебираться на другие участки. Переезжали не только люди, но и жилища, которые они как улитки перевозили за собой (обычно барак перетаскивали на запряженной лошадей платформе).

Никакие распоряжения муниципалитета, вызванные эпидемией тифа в декабре 1938 года, ни более ранние приказы не могли предотвратить постоянный рост бидонвилей. В итоге, в 1939 году городскими властями было выкуплено три участка земли, общей сложностью около 17 га. От 300 барачков в 1925 г. (тогда встречались еще и палатки) к 1939 г. их численность достигла примерно 4 000, 200 из которых были магазинчиками и пять служили для выпечки хлеба. В 1942 г. городская администрация ввела также налог: 8 франков за барак для проживания и 30 франков на барак, использовавшийся в коммерческих целях. Интересно, что обитателям барачков это нововведение пришлось по душе, так они почувствовали законность своего положения. [2]

Многие обеспеченные горожане во время сориентировались и сделали бидонвилли своим основным заработком, выкупив прилегающие к бидонвиллю земли для сдачи их в наем. Так, один из коммерсантов, начиная с 1949 г., расселил на своей территории 2000 барачков. К 1950 году в городе появилось 8 частных кварталов (каждый по обыкновению носил имя своего владельца), которые объединяли большее число жилищ, чем «муниципальный бидонвиль»: 7 669 против 5 581 барака. Таким образом, на частных вложениях расположилось 13 250 барачков с 48 834 обитателями [3].

Существовала разница между спонтанно организованными бидонвиллями и специально подготовленными поселениями. Первые обычно отличались отсутствием какого-либо порядка и санитарных условий: ни воды, ни колодца, ни системы сбора и переработки бытовых отходов. Улицы или расстояния между двумя противоположными бараками были столь узки, что два человека с трудом могли разойтись. В основанных властями бидонвиллях ширина улиц была строго определена в 5

метров, жилища и улицы были обязательно пронумерованы, специальные бетонные блоки служили для ограничения пожаров. Однако ни одна улица не была вымощена, не было и речи о электрическом освещении барачков, улицы с наступлением сумерек освещались лишь масляными лампами торговых лавок, после закрытия последних в квартале устанавливалась полная темнота. [4]

Интересно, что для самих обитателей бидонвиля они не всегда представлялись городским адом. По свидетельству Андре Адама один из обитателей городского барака утверждал в частной беседе, что его семье удобнее проживать в бидонвиле, чем в одной из построек квартала Новой Медины: «у моей жены в распоряжении есть небольшой дворик, тогда как в дербе (городской квартал) у нее был лишь небольшой балкончик, который она делила с тремя семьями» [5].

По состоянию на 1954 год только в бидонвиле Бен Мсик 61% глав семей были владельцами своих барачков и 39% снимали жилье. Наиболее благоустроенный деревянный барачок стоил от 20 до 25 тысяч франков. Так как средний доход большинства семей бидонвилей составлял менее 10 тысяч франков (зачастую спасали выращенные в родном селе продукты питания), все расходы были сконцентрированы на ежемесячной плате за жилье и остальных обязательных повинностях в пользу муниципалитета (права на ключи от города, плата за проход внутрь городских стен и т.д.).

В постколониальный период бараки еще долгое время продолжали существовать в самой непосредственной близости от новых построек, так как рост городского населения опережал появление цивилизованных жилых построек и свободных рабочих мест.

До тех пор, пока в городе будут проживать люди без работы, неспособные платить даже за самое скромное жилье, городским властям очень трудно будет одержать вверх над несанкционированными поселениями.

К вопросу о становлении государственности династии Мин (XIV-XV вв.)

П. Ю. Пузикова

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Государственность средневекового Китая изучена пока крайне плохо, в ней до сих пор остается немало белых пятен. Особенно это каса-

ется династии Мин (XIV-XVI вв.) в период ее становления. Только при самом тщательном изучении времени и основных аспектов становления режима возможно понимание его дальнейшего развития, а на примере функционирования отдельных органов власти и управления можно попытаться увидеть основные тенденции во внутренней политике интересующего периода. Сложность заключается и в том, что данная династия пришла к власти после многолетнего господства иноземных династий на Севере Китая.

Для изучения этого вопроса, в основном, главным источником информации служат источники минского и цинского времени, что также связано с недостаточной степенью внимания, уделяемой учеными к данной проблематике.

Между провозглашением династии Мин и окончательным укреплением позиций нового режима прошло около 100 лет очень тяжелой борьбы и огромной работы. Основные внутривластные акции и закладка основ государства происходила именно на начальном этапе этого процесса. Следует также учитывать, что династия Мин пришла к власти на волне патриотических выступлений и одной из своих важнейших целей (кроме свержения правления «варваров») объявила восстановление традиционной китайской государственности.

Однако традиционные нормы государственности, оформившиеся на рубеже I-II тыс. н.э. уже не всегда подходили для изменившейся ситуации. Поэтому первым правителям нового режима ради укрепления власти приходилось лавировать между провозглашенными целями и условиями, которые им диктовала реальная жизнь. Обязанностью «совершенного правителя» являлось наведение порядка в стране. Конфуцианская теория предполагала, что делалось это по специальной схеме (следы этой схемы хорошо видны в работах китайских историков, и не только у них), а практика диктовала каждый раз свои условия, каждый раз новые. Реформирование государственного аппарата и методов управления занимало одно из центральных мест в этом процессе.

Данные преобразования были вызваны существованием ряда острых проблем, настоятельно требующих разрешения, среди которых немаловажную роль играл вопрос набора и подготовки новых кадров, а также напряженные отношения между императором и так называемой внешней бюрократией, которая стояла на позициях конфуцианства, в то время, как первые минские правители тяготели к легистским мето-

дам управления. Генеральной линией преобразований стала концентрация всей высшей государственной власти в руках монарха.

Это был период поисков, проверки новых вариантов. Процесс реорганизации шел, в основном, по двум направлениям. Во-первых, создание системы управления с определенной структурой подчиненности учреждений и разделением и уточнением их функций. Во-вторых, создание определенного привилегированного круга лиц, осуществлявших это управление. Образование каждого из новых органов власти имело свои особенности, и чаще всего было результатом синтеза деятельности уже существовавших в то время учреждений. Эти органы власти создавались по мере надобности, и некоторые из них по минувании этой надобности прекращали свое существование.

В борьбе с чиновничеством правители пробовали применить различные способы решения проблемы: создание уделов; опора на “новые” кадры, отобранные лично императором (само время создавало молодым и способным великолепные условия для стремительного карьерного роста, который был невозможен в более спокойный период), и дворцовые службы; террор и создание дублирующих органов – вот далеко не полный список предпринятых мер. При неудаче происходила корректировка действий и поиск новых путей развития.

В результате реформ образовалась обновленная государственность с сильной центральной властью. Одним из важных результатов проводившейся политики стало создание института государственных секретарей, наиболее знаменитыми из которых были «три Яна». Во многом именно их деятельность привела к тому, что данный институт, который предполагался как чрезвычайная и временная мера, к концу XV в. превратился в важный правительственный орган, известный как Государственная канцелярия (Нэйгэ). В создании и оформлении этого органа власти как в капле воды отразились многие важные аспекты и процессы, сопутствовавшие становлению новой государственности.

**К истории изучения корейского этикета
(по материалам записок русских путешественников в Корею
кон. XIX – нач. XX вв)**

Д. А. Самсонов

Музей Антропологии и Этнографии им. Петра Великого РАН
(Кунсткамера)

Для выявления этнодифференцирующих признаков этнографы исследуют самые различные слои жизни. Традиционный этикет как неотъемлемая часть национальной культуры любого народа является интересным объектом для исследования этнографов. Этикет служит важным подспорьем этики и нравственности, базовых форм общественного сознания. Он является своеобразным материализованным институтом, через который этика и нравственность проводят в жизнь свою «политику» [1]. Именно поэтому изучение стереотипов поведения является одним из способов выявления этнодифференцирующих признаков [2]. При изучении этикета особое внимание уделяется не только повседневному поведению, а также поведению в ходе совершения разного рода обрядов жизненного цикла или праздничных обрядов.

В ходе работы с источниками по этикету необходимо учитывать как «внутреннюю» поведенческую оценку, которую дают сами носители культуры, так и «внешнюю», даваемую с позиции иной культуры. Дело в том, что внутренняя и внешняя оценка поведения предполагают несколько различное прочтение ситуаций. Сбалансированное использование материалов, представляющих различные точки зрения, помогает построению более полной и объективной картины этнической специфики народа. [3]

Наиболее репрезентативными источниками, отражающими внешнюю точку зрения являются записки путешественников. Именно поэтому для изучения стереотипов поведения корейцев мы решили обратиться к публикациям времен открытия Корея. Русский путешественник, попавший в страну на одном из самых драматических отрезках пути её развития, смог увидеть и частично зафиксировать ту самую традиционную Корею.

В ходе работы использовались материалы из дневниковых записей, отчетов, очерков русских чиновников, офицеров, купцов, совершавших поездки по различным регионам Кореи. Безусловно, цели, маршруты и

время поездок были абсолютно разными, поэтому описанию самих корейцев и их обычаев уделяется неодинаковое внимание.

Тем не менее, на основе материалов русских путешественников появляется возможность составить представление о характерных именно для корейцев отношениях.

Корея предстаёт страной, где не только придворная и общественная жизнь, но и частная семейная жизнь подчинены строгим правилам и церемониям даже в процессе повседневного общения.

Абсолютно все авторы отмечают, что отличительной чертой корейцев является миролюбие, добродушие и покорность, а также любопытство. Именно эта черта принципиально отличает корейцев в общении от их соседей, китайцев и японцев. Дадешкалиани, чиновник, состоявший при канцелярии Приамурского генерал-губернатора, пишет, что любопытство по отношению к иностранцам, к внешнему влиянию одолевает корейцев в последнее время [4].

Из материалов записок мы узнаем также и об отношениях между полами в Корее. Дипломат Поджио в своих «Очерках Кореи», первом этнографическом исследовании по Корее, говорит, что «хотя супруги и живут вместе в одном доме, однако время проводят врозь: муж у себя на своей половине принимает своих гостей, а жена проводит все время на женской половине» [5].

В заключении необходимо подчеркнуть, что имеющийся в записках материал представляет большую ценность для этнографов и способен помочь в изучении традиционной жизни Кореи.

1. *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик, 1999, с. 3
2. *Этикет у народов Юго-Восточной Азии.* СПб. 1999, с. 5
3. *Байбурун А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Ленинград, 1990, с. 13
4. *По Корее. Путешествия 1885-1896.* М. 1958, с. 65
5. *Поджио М.А.* Очерки Кореи. СПб, 1892, с. 200

Динамика взаимоотношений между Египтом и Османской метрополией в период между младотурецкой революцией и первой мировой войной (1908–1914 гг.)

Ж. Г. Тикаев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

К концу XIX в. в Османской метрополии представители младшего офицерства и интеллигенции, выражавшие интересы национальных предпринимательских кругов и сторонников восстановления конституционного строя в империи, встали в оппозицию по отношению к политике султана Абдул-Хамида II. В 1894 г. в Стамбуле курсант военно-медицинского училища Ибрагим Темо организует тайное общество «Единение и Прогресс». Основной задачей общества были провозглашены борьба против деспотического режима зулюма, реформирование общественной жизни по европейскому образцу, развитие хозяйственной и гражданской инициативы с целью воскрешения былого величия империи.

Немногим раньше, в 1892 г., место умершего хедива Египта Тауфика занял его сын Аббас II Хильми, стремившийся проводить более независимую политику, чем его предшественник. Частые конфликты Аббаса II с британской колониальной администрацией привели его к сближению с лидером египетских националистов Мустафой Кямилом (1874-1908). Стремясь избавиться Египет от английской оккупации, хедив и египетские националисты взяли в начале XX в. курс на поддержку усилий османского султана Абдул-Хамида II по объединению народов империи под лозунгом панисламизма. При этом ни хедив, ни его политические партнеры в Египте не выдвигали лозунга независимости, а выступали за возвращение своей страны под османское управление. Однако Абдул-Хамид II, с недоверием относившийся к лидерам Египта и подозревавший их в сепаратистских замыслах, ограничился присвоением Мустафе Кямилю титула паши (1904 г.). В остальном же Стамбул избегал активных протестов против насильственного отторжения Англией его египетской провинции.

Известия о младотурецкой революции 1908 г., свержении Абдул-Хамида II и воцарении Мехмеда V (1909 г.) были восторженно встречены в Египте. На улицах Каира горожане криками приветствовали провозглашение нового султана, националистическая и официальная печать резко критиковала прежний режим. В перемене власти в Стам-

буле египетские элиты увидели представившийся им шанс обрести союзника для изгнания из страны англичан. На поклон к новому сюзеру Аббас II отправился в Стамбул, где был встречен султаном с большими почестями, чего во времена Абдул-Хамида II не наблюдалось. Стремясь установить дружественные отношения с младотурками, в Стамбул направилась делегация националистов Египта с надеждой добиться у нового правительства дарования Египту автономии на конституционных началах.

Однако их надежды не оправдались. Начав свою политическую деятельность под лозунгом децентрализации империи и компромиссного урегулирования национального вопроса, младотурки вскоре выступили за централизованное турецкое государство и отказались от уступок арабам. В 1910–1914 гг. они старались пресекать всяческие националистические взгляды в империи и от идей османизма, основанных на объединении всех подданных империи, обратились к идеологии пантюркизма. Эта концепция призывала к объединению всех тюркоязычных народов в рамках одного государства. В силу этих перемен надежды египетского руководства на возврат к привычным ценностям османской государственности и культурно-политическое самоопределение в ее пределах оказались иллюзорны. В 1914 г. политика младотурецкого правительства вовлекла империю в первую мировую войну, которая стоила Стамбулу потери его арабских владений. Вскоре после вступления Турции в войну Англия объявила о своем протекторате над Египтом, а Аббас II, находившийся в Стамбуле, был низложен англичанами и заменен на удобного для них правителя – Хусейна Камиля.

Эволюция вакфов в Османской империи в XVII-XVIII вв.

П. В. Шлыков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В работе представлены результаты исследования трансформации вакуфных организаций, изменения роли вакфов в социально-экономической и политической жизни османского общества на протяжении XVI-XVIII вв. Источниками послужили османские акты: документы: налоговые реестры (*тахрир дефтерлери*), протоколы шариатских судов (*кади сиджиллери*), вакуфные грамоты (*вакфие*), реестры вакфов (*вакыф дефтерлери*), специальные документы, фиксирующие изменения во владении конкретных вакфов (*худж'ат аль-вакф*). До-

полнительно использовались нарративные источники: социально-политические трактаты (*писале*), исторические хроники XVI-XVIII вв., дневники и заметки географов и путешественников.

Вакф – один из фундаментальных институтов мусульманского общества, своими корнями уходящий в первые века ислама и традицию выплаты религиозной милостыни (*садака*). В фикхе понятие вакф обозначает неотчуждаемое имущество, переданное каким-то одним человеком (учредителем вакфа – *вакифом*) или даже группой лиц на религиозные и благотворительные цели общине, организации или отдельному человеку (бенефициарам вакфа). При передаче движимого и недвижимого имущества в вакф права собственности на него как бы приостанавливаются: то, что стало вакфом уже нельзя продать, подарить и, что самое важное, наследовать, отсюда становится ясен смысл слова «вакф», которое в переводе с арабского означает «остановка, задержка». Имущество, ставшее вакфом, перестает быть собственностью учредителя вакфа, однако оно и не становится собственностью того, в пользу кого оно было передано, обращено в вакф и кто будет в дальнейшем получать с него доходы. Таким образом, учреждение вакфа – не есть акт купли-продажи или передачи собственности в наследство. Вакф учреждается в первую очередь «во имя Аллаха» (*фи саб'иль Аллах*), вакуфная собственность переходит к единственному, в понимании мусульман, истинному владельцу всего имущества, к Аллаху, и лишь доходы от вакуфного имущества используются на благо мусульманской общины (*уммы*). В зависимости от того, на что шли доходы от вакуфной собственности, выделяют несколько типов вакфа. Благотворительный вакф (*хайри вакф*) – вакф, доходы от имущества которого шли на содержание мечетей, медресе, больниц и на многие другие общественные и благотворительные нужды. Семейный вакф (*ахли вакф, вакф-и эвляд*) – вакф, получателями доходов которого были члены семьи *вакифа* и его будущие потомки. Поделенный вакф (*муштарак вакф*) – вакф, доходы от собственности которого шли частью на благотворительные цели, а частью – семье *вакифа*. Каждый вакф состоял из двух частей. Первая – собственно вакуфная собственность, т. е. имущество, права владения на которую приостановлены и доходы от которой должны на условиях непрерывности (или, используя язык *вакфие*, вечно) использоваться на благотворительные цели. Прежде всего, это недвижимость: земельные угодья и строения, которые, в принципе, могут стабильно приносить доход в течение достаточно длительного време-

ни. Вторая составляющая вакфа – это так называемые вакуфные, или религиозно-благотворительные, учреждения. Это мечети, медресе, общественные источники воды (*себили*), больницы, кладбища, на содержание, строительство и реконструкцию которых и шли средства, полученные от эксплуатации коммерческих объектов вакфа.

Процессы создания и функционирования вакфа можно представить в виде четырехчленной схемы, в центре которой находится учредитель вакфа (*вакиф*), определяющий взаимосвязи между остальными членами системы: управляющим вакфа (*мютевелли*), доходными объектами вакфа и бенефициарами² вакфа. Мы не включаем в данную схему *назыра* (лицо, контролировавшее деятельность вакфов), поскольку он мог вмешиваться в дела вакфа, как правило, только когда *мютевелли* или другие служащие вакфа совершали злоупотребления и нарушали закон [1]. В момент учреждения вакфа *вакиф* определял «на вечно» (*ил'а абад*) элементы этой системы: кто станет бенефициаром или бенефициарами вакфа, какое имущество будет передано в вакф и кто будет выполнять функции управляющего вакуфным имуществом (часто, *вакиф* назначал самого себя первым *мютевелли* и управлял вакфом до конца своих дней). Традиционно *мютевелли* распределял доход от коммерческих объектов вакфа между бенефициарами ежегодно, поэтому можно говорить о годовом цикле функционирования вакфа. Таким образом, сам вакф представлял собой замкнутый, самообновляющийся, автономный институт, циклы которого должны «длиться вечно» (хотя, на самом деле, в рамках циклической схемы постоянно происходили изменения).

Чтобы выявить эволюцию вакфа на протяжении XVI-XVIII вв. мы рассмотрели четыре элемента системы вакфа: личность *вакифа*; характеристику имущества, передаваемого в вакф, и размер пожертвований; личности *мютевелли* и бенефициаров вакфов.

В XVII-XVIII вв. в процесс учреждения вакфов вовлекаются новые социальные слои: если раньше вакфы основывали в основном высшие представители военного сословия (*аскери*) (в XV-XVI вв. им принадлежало около 60% всех вакфов; в XVII-XVIII вв. этот показатель снижается до 45%), то теперь к ним присоединяются люди, принадлежащие к сословию реая (в XV-XVI вв. им принадлежало лишь около 2,5% всех вакфов; в XVII-XVIII вв. этот показатель увеличивается бо-

² *Бенефициар* – лицо, получающее доходы с доверительной собственности (вакфа) или в пользу которого эта собственность учреждена.

лее чем в 11 раз и приближается к 30%), причем основную массу среди *вакифов-реаятов* составляют женщины (на их долю приходится около 27 процентов вакфов XVIII в.). Вместо крупных вакфов (что было отличительной чертой XVI в.) в XVII-XVIII вв. создаются небольшие вакфы, прежде всего на основе наличных денег и движимого имущества.

К концу XVIII в. ежегодный доход вакфов составлял 1.205.402.000 *акче* (примерно 1/3 доходов империи), причем 37.243.728 из них не распределялось среди бенефициаров, а оставалось в руках администрации. Главным источником доходов были наличные деньги (32%), которые ссужались под 15% годовых; далее шли коммерческие объекты (лавки, магазины, ремесленные мастерские и т. д.) – 31%, сельскохозяйственные угодья – 30%, здания – 6,5%. Эти средства распределялись следующим образом: 28% шло на различные образовательные учреждения, 31% – на религиозные институты, 11% – на муниципальные службы, 14% – семьям и родственникам *вакифов*, 10% – на содержание администрации вакфов, 6,5% – военным отрядам.

Администрация и управление вакфами в XVII-XVIII вв. в большинстве случаев оставалась в руках семьи *вакифа*: так, если для всех вакфов Империи этот показатель к концу XVIII в. составлял 56%, то в области Сивас в более чем 65% случаев пост *мютевелли* занимали прямые потомки или родственники *вакифа*. Это приводило к росту злоупотреблений со стороны администрации. Подтверждением тому служит рост числа жалоб в шариатские суды на *мютевелли*, не выделявших необходимые средства на содержание благотворительных заведений, а создававших фиктивные должности в администрации вакфа и т. д.

Еще один важный показатель – соотношение разных типов вакфа. В XVII-XVIII вв. оно несколько меняется. Характерное для XVI столетия преобладание благотворительных вакфов [2] в XVIII в. уступает место господству поделенных вакфов (75% всех вакфов), отесняя на второй план благотворительные (18%) и семейные (7%) вакфы [3].

Следующий вопрос – как эксплуатировались коммерческие объекты вакфа. В XVII-XVIII вв. «вечный» и неизменный статус вакуфных владений стал препятствием для адаптации вакфов к изменившейся экономической ситуации в Империи. Раз и навсегда установленные в *вакфие* размеры расходов на содержание благотворительных учреждений и оплату их персонала; зафиксированный в ценах XV-XVI вв. раз-

мер платы за аренду вакуфных земель – все это сделало практически невозможным в условиях резкого обесценивания османского *акче* [4] нормальное функционирование ранее учрежденных вакфов в прежнем режиме. Это вызвало с одной стороны рост популярности денежных вакфов, с другой – широкое распространения неканонических типов аренды вакуфных владений, в первую очередь, долгосрочной аренды *иджаретейн* (аренды с двойной рентой – авансом и ежегодным платежом), которая прежде, с момента своего появления в XVI в. применялась лишь в исключительных случаях.

В XVII-XVIII вв. получает логическое завершение процесс интеграции вакфа в социально-экономическую жизнь Османского государства, начавшийся в XVI в. Баланс социально-интегративных и религиозно-благотворительных функций вакфа все больше смещается в сторону первых. Это выражалось не только в количественном росте вакфов (ок. 20 тыс. к концу XVIII в.) и вовлечении новых людей в их учреждение, но и в том, что все больше и больше людей брало кредиты из вакуфных фондов и арендовало вакуфные земли и постройки (иногда маскируя этим покупку вакуфного имущества). Играя все большую роль в экономике, вакф стал терять свое религиозное значение: раньше султаны и высшие государственные сановники провозглашали часть захваченных земель своей безусловной собственностью (*мульк*), чтобы затем сразу обратить их вакф; теперь же, передавая в вакф уже не только *мульки*, но и часть условных держаний *мири* (государственных земель), люди стали использовать вакф как средство завладения и создания скрытых форм «частной» собственности; кроме того, основывая смешанный вакф, *вакифы* выделяли на благотворительные нужды крайне малую долю дохода вакфа (иногда около 1-5%). Вакф «сакрализован» ссудный процент и неканонический вид аренды с двойной рентой *иджаретейн*. Однако, даже несмотря на злоупотребления и очевидный кризис вакуфной системы, вакфы продолжали играть ведущую роль в финансировании религиозных, образовательных и муниципальных учреждений. Правда, при этом политическая нестабильность, прогрессирующая с конца XVI в., приводит к тому, что религиозно-образовательные учреждения вовлекаются в борьбу разных группировок за власть в Империи. Многие медресе и им подобные заведения фактически стали использоваться в политических целях. Созданные на деньги вакфов группы профессиональных проповедников, зачастую, вместо выполнения подлинных религиозных функций, служили повы-

шению социального престижа определенных представителей османской элиты и вели политическую пропаганду в их интересах (это позволяло центральной власти лучше контролировать беспокойные провинции); кроме того, вакф давал возможность не только оградить ту или иную собственность от конфискации, но и позволял обеспечить значительное число родственников *вакифа* гарантированным содержанием и престижной должностью (которая к тому же становилась наследственной) в религиозно-благотворительных структурах вакфа. Наряду с этим, вакф оставался инструментом налаживания диалога между противоположными социально-политическими силами и средством завоевания политической легитимности для правителей областей и провинций, этнически и религиозно разнородное население которых хорошо понимала «язык» добрых дел и ценило благотворительность.

1. *Kazıcı Z. Osmanlı Vakıf Medeniyeti. İstanbul, 2003. S. 103.*
2. *Halaçoğlu Y. XIV-XVII. Yüzyıllarda. Osmanlılarda Devlet Teşkilâtı ve Sosyal Yapı. Ankara, 1996. S. 154.*
3. *Yediyıldız B. XVIII. Yüzyılda Türkiye’de Vakıf Müessesesi. Bir Sosyal Tarih İncelemesi. Ankara, 2003. S. 15.*
4. *İnalçık H., Quataert D. An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300-1914. Cambridge, 1994. Pp. 963-967.*

Параратон (Книга царей): характеристика основных элементов структуры источника

А.Н. Церерин

Институт практического востоковедения (Москва)

Данные тезисы отражают первые результаты исследования *Параратона (Книги царей)*, написанного в 16 в. на средневековом яванском языке Кави. Памятник обладает огромной исторической значимостью, так как это первый письменный источник, который охватывает важный этап яванского средневековья с момента основания государства Сингасари в 1222г. и до смерти правителя Маджапахита Сингхавикрамавардханы в 1478 г. В процессе работы был использован перевод памятника на индонезийский язык [1].

В настоящей работе предпринята попытка системного исследования всего текста, включая анализ его структуры и содержания. Это предполагает использование методов структурного, текстологического, источниковедческого и количественного видов анализа. Применяя эти

методы, я адаптировал их к своей работе. Основной задачей подобного исследования является извлечение исторической информации, скрытой в тексте. На данном этапе работы нами были поставлены следующие общие задачи: 1) выявить основные элементы структуры текста источника; 2) определить их жанровые особенности; 3) выявить летописный слой и дать его первичную характеристику.

В результате анализа в тексте источника были выявлены 14 отдельных «структурных элементов». Для выявления приоритетов в описании истории отдельно были рассмотрены их объемы. Исходя из их процентного соотношения, удалось выяснить, что они объединяются в четыре отдельные «части», различные по своему стилю и содержанию. Дадим их краткую характеристику.

Первая часть представляет собой данное в литературной форме, легендарное предание о Кен Ангроке (1222-1227), основателе государства Сингасари. В результате структурного анализа было выявлено, что данная часть памятника составляет 33.3 % (1 структурный элемент) от его общего объема. Это отдельная часть, которая, очевидно, является инородной для исходного текста.

Вторая часть (23.9 %, 5 структурных элементов), это первая собственно историческая часть данного памятника. Она начинается с момента воцарения Кен Ангрока (1222-1227) и оканчивается царствованием последнего правителя Сингасари – Джаякатванга (1292-1293). Тем самым, данная часть памятника, вероятнее всего, представляет историческую летопись государства Сингасари.

Третья часть источника (34.8 %, 2 структурных элемента) повествует о монгольской экспедиции на остров Ява с марта по май 1293, а также о целом ряде восстаний, с которыми пришлось столкнуться яванцам во время царствования Джаянагары (1309-1328). Основателем династии Маджапахита был предшественник Джаянагары – Кергараджаса Джаявардхана (1293-1309). По своим стилистическим особенностям данная часть ближе к первой части источника, но это не предание – ее жанр определен как «историческая повесть».

Четвертая часть источника (8 %, 6 структурных элементов) повествует о возникновении в 1293 г. на обломках Сингасари государства Маджапахит. Позднее, во времена правления Хаям Вурука (1351-1389) и его великого мапатиха (визиря) Гаджах Мады оно переживало свой золотой век. Данная часть представляет собой генеалогию правителей Маджапахита до 1478 года, причем по своему языку она ближе ко вто-

рой части. Но сообщения ее не столь развернуты и базируются на перечнях правителей, поэтому мы определили ее как хронику.

В результате проведенного исследования стало возможным выдвижение ряда текстологических гипотез: 1) источник состоит из четырех отдельных частей, которые на данный момент неизвестно когда, кем и где были собраны в один общий памятник, который называется *Pararaton*; 2) выявлены две части исторического характера: одна из них, более ранняя, возможно, летопись Сингасари, вторая, более поздняя – маджапахитская хроника. Точное выделение этих частей предоставляет возможность приступить к выявлению и анализу заложенной в них исторической информации.

1. Pitono Hardjowardojo R. Drs, *Pararaton*. Djakarta, 1965.

НАПРАВЛЕНИЕ «ФИЛОЛОГИЯ»

К исследованию калмыцких музыкальных терминов

Б.Х. Борлыкова

Калмыцкий государственный университет

Как известно, современный мир полифоничен и многокультурен. Культура является одним из основных факторов сближения людей. Этническая культура калмыков имеет многовековую историю, в которой в бурном переплетении событий и судеб разворачивается многоликая картина взаимоотношений разных народов. Каждый из этих народов внес что-то свое в калмыцкую музыкальную культуру.

Контакты с народами Южной Сибири, Казахстана, Приуралья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа сказались во многих сферах культуры калмыков: в музыке, хореографии, и лексике.

Известный русский путешественник и художник Н.К.Рерих писал в начале XX века: «Странна судьба калмыков. Народность рассеяна самым непонятным образом: в Китайском Синьцзяне олеты занимают Илийский край, торгоуты – Карашар, хошеуты – Джунгарию, ойраты расселены в Монголии, домсоки – в Тибете. Калмыцкие улусы рассыпаны так же по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга...». В перечне мест обитания ойратов-калмыков наглядно представлена картина их этнокультурных связей.

Изучение калмыцкой музыкальной терминологии представляет собой одну из наименее разработанных областей в калмыковедении.

Задачей настоящей статьи является исследование калмыцких музыкальных терминов, в частности названий музыкальных инструментов. В калмыцком музыкознании пока, к сожалению, мало работ, посвященных исследованию музыкальной культуры калмыков. Это труды этнографов: И. Житецкого, Н. Луганского, П. Палласа, М. Каратыгиной. Они рассматривают музыкальные термины с искусствоведческой стороны, а не с лингвистической.

Некоторую полемику среди исследователей вызывает вопрос о происхождении инструмента. Не всегда плодотворно искать родину того или иного инструмента по его названию. Часто предмет или явление культуры того или иного народа, будучи заимствованным или привнесенным на другой почве обрастает местными обозначениями. Такой процесс происходил уже в древнем Китае в I-II вв.

Калмыки – это потомки ойратов. К началу VIII в. кочевья ойратов на севере и северо-западе до владений енисейских киргизов, на востоке – до р. Селенги, на юге – до островов Алтая, подходя к верховьям Иртыша.

Большинство калмыцких музыкальных инструментов заимствовано из инструментария других народов. Основная часть калмыцкого музыкального инструментария была уже известна нашим предкам – ойратам. Об этом свидетельствует наличие названий музыкальных инструментов в героическом эпосе «Джангар», который был известен более 1 тыс. лет назад. На данный момент калмыцкими учеными в «Джангаре» насчитано 36 музыкальных инструментов (бюря, цуур, дунг, хонхэ...)

По тематическим группам калм.музыкальные инструменты делят: струнные, смычковые, духовые, ударные.

Струнные инструменты: Домбра-ст.калм. домбур («род балалайки»);

Ятха- ст.калм. йатыга («род гуслей»);

Смычковые инструменты:

Хуур-ст.калм. хуур (2-х струн.смычковый ин-т);

Хучир-(4-х струн.смычк.ин-т);

Исследователи считают, что смычек не был известен в Китае, равно как и в других странах Востока до 10в. Смычек возник у уйгуров и привнесен вместе со струнно-смычковым инструментом в Европу.

Духовые инструменты:

Бюря- ст.калм. бюрээ «труба» ;

Цуур- ст.калм. цуур «свирель,дудка,свисток»;

Ударные инструменты:

Кенкрг-ст.калм.кенгерге «барабан»;

Хонхэ-ст.калм.хонхо «колокольчик, колокол»;

На данный момент пока только фиксируется и систематизируется такого рода лексика. В дальнейшем предстоит более глубокий лексикологический и культурологический анализ слов, связанных с калмыцкой музыкальной терминологией.

1. *Каратыгина М.Н.* Отражение мировоззрения монголов в традиции игры на морин хууре. // Музыкальные традиции стран Азии и Африки. Сб. статей. М., 1986.

2. *Луганский Н.Л.* Калмыцкие народные инструменты. Э.,1987.

3. *Номинханов Ц.Д.* Исследования по тюркским и монгольским языкам. Алма-Ата, 1966.

4. Калмыцко-русский словарь. Под ред. *Муниева Б.Д.* М.1977.

Названия калмыцкой пищи в сравнительном освещении

С. П. Борхареева

Калмыцкий Государственный Университет

Пища монгольских народов как явление материальной культуры неоднократно исследовалась в сочинениях этнографического, географического и просто кулинарного характера, обстоятельно описывались способы приготовления, консервирования, хранения, потребления мяса и молочных продуктов, проводилось сопоставление системы питания монголов с системой питания других кочевников евразийских степей [1].

Этнокультурная лексика калмыцкого языка не имеет системного монографического описания. Исключение представляет «Толковый словарь традиционного быта калмыков» Пюрбеева Г.Ц., где собран материал, отражающий в общих чертах жизненный уклад кочевого народа [2].

Цель нашего исследования заключается в классификации и систематизации этнокультурной лексики монгольских языков на примере названий традиционной молочной пищи калмыков, монголов, бурят.

Молочные продукты у монголоязычных народов относились к тем блюдам, с которых начинался всякий праздничный прием, обобщенное название цагаан идээн (монг), цаган идян (калм), саган идээ (бур). На их изготовление шло молоко сүю (монг), юсюн (калм), гю (бур) четырех видов скота: коров, овец, лошадей, верблюдов (у монголов еще были яки и хайнаки).

Технология изготовления молочных продуктов была отшлифована веками. Молочные продукты делились на скоропортящиеся и долго хранящиеся.

Долго хранящиеся продукты – это все виды масла: шар тосн (калм), шар тос (монг), топленое масло, которое заготавливают впрок и хранят в емкостях из рубца гюзян (калм), гюзээ (монг). Из сливок и сметаны сбивают масло цаган тосн (калм), цагаан тос (монг), хюрэнгын тогон (бур) букв. «белое масло» сливочное масло.

Таким образом, как показал анализ слово тосн, тос, тогон имеют общее происхождение.

Одним из самых распространенных у монголоязычных народов продукт, производимый из заквашенного молока, является айрак (калм), айраг (монг), сэгээ (бур) кумыс. Этот ценный кисломолочный слабоалкогольный продукт изготавливается из молока всех видов домашних животных.

Когда в кумыс добавляет молоко, получается хоормг (калм), хоормг (монг), хоймог (бур) – род кефира. Еще, в горячее молоко добавляют свою, специальную закваску таргин хоормг (калм), таргийн хоромго (монг), гюрэлгэ (бур), хорошо перемешивают и обвертывают посуду войлоком, через пару часов кисловатый, приятный на вкус продукт тараг (калм., монг., бур.) – род простокваши; тараг немного гуще кефира, но не сильно густой, поэтому монголы и пьют, и едят эту простоквашу. Кумыс из всех видов молока, кроме кобыльего, используется для выгона. Араки (калм.), архи (монг.), «водка». Слабую молочную водку однократной перегонки называют, чигян (калм.), сувс (монг.). После двукратной перегонки получают арз (калм.), арз (монг.). Трехкратной перегонки хорз (калм), хорз (монг.). Кипяченый кумыс, остающийся после перегонки молочной водки называют боз (калм.), цагаа (монг.) «осадок». Ввиду большого количества остающегося «остатка» оно подвергается дальнейшей переработке. Процедив его и отжав молочный сгусток, получают аадмг (калм.), аарц (монг.) разновидность творога. Аадмг, аарц можно засушить длинными полосками получается шююрмг (калм.), ааруул (монг.), виде кусков-хурсун (калм.), хурууд (монг)

Проведя сравнительный анализ этнокультурной лексики калмыцких и монгольских языков, пришли к выводу, что молочные продукты питания изготавливались практически одинаковыми способами до начала XXI, но в настоящее время рацион питания меняется, что влечет за собой исчезновение и самих продуктов, и названий традиционной пищи. В связи с этим необходимо зафиксировать, систематизировать, классифицировать подобного рода термины, как показатель своеобразия материальной и духовной культуры калмыков.

1. *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1998. С. 69-85.

2. *Пюрбеев Г.Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста, 1996.

3. Шовгуров А.С, Вяткина В.А. Калмыцкая кухня. Элиста, 1986.
4. Цыдынжапов Г., Бадуева Е. Бурятская кухня. Улан-Удэ, 1991.
5. Баярсайхан Ё. Этнокультурная лексика современного монгольского языка. М., 2002.
6. Калмыцко-русский словарь. М., 1977.

Специфика содержания категории «синь» в сравнении с сунским и минским конфуцианством.

Е. А. Васильева

Новосибирский Государственный Университет, Россия

Категория «синь» наличествует уже в «Лунь Юэ», а также в работах ханьских конфуцианцев. Но только в сунском конфуцианстве интерес к индивидуальному сознанию, как к самостоятельному феномену, находит отражение в работах философов, в виде теоретических конструкций. Одним из отражений этого процесса является появление новых интерпретаций категории «синь» и переструктуризация её связей с другими категориями в рамках категориально-понятийного аппарата неоконфуцианства.

Особенно акцентировал внимание на этом аспекте Чжу Си, считавший, что в процессе самосовершенствования сознание человека (синь) обретает способность адекватно реагировать на все жизненные ситуации [1].

Ван Янмин в своих трудах выявил прямую связь между представлениями о «человеческом сердце» и «делами людей», то есть показал важность философской категории «синь» для анализа и планирования как личной, так и социальной практики [2]. Тем не менее, Ван Янмин делал различия в анализе мыслительной деятельности разных по социальному статусу людей. Он писал не только о «человеческом сердце», но и особо уделял внимание «сердцу» государя, как одному из важных факторов, влияющих на общественную жизнь:

«В оценке «сердца» государя надо руководствоваться оценкой его способов самосовершенствования. Если он совершенствуется в добре, то продвигается к ясности [мышление], а мудрость его «сердца» растёт с каждым днем. Если он совершенствуется во зле, то погрязает в пороках, а «сердце» день за днем становится глупее. Нет ни одной вещи в Поднебесной, которая бы могла возникнуть и развиваться без ухода,

так же как травы и деревья не могут расти и цвести без дождя и подкормки» [3].

Ван Янмин интерпретировал категорию «синь» в русле сословно-иерархической идеологии. Он разделяет представления «сердце» государя от «сердца» простого человека. «Сердце» государя должно быть честным, справедливым для того, чтобы суметь отличить правду от лжи, добро от зла в делах управления.

Цзэн Гофань, используя достижения сунского и минского конфуцианства, развил дальше практические аспекты описания связи категории «синь» и социальной практики. По его мнению, социальное положение не должно никаким образом влиять на требования к человеку: каждый человек должен заниматься самосовершенствованием и может достичь высот не только в личной, но и общественной жизни [4].

Необходимо отметить, что интерес Ван Янмина и Цзэн Гофаня к категории «синь» был не в последнюю очередь инспирирован даосским и буддийским влиянием. Результаты же влияния этих двух философских систем на творчество философов были разными. Буддийский универсализм подхода к человеческой психике нашел отражение только в трудах Цзэн Гофаня. Данный факт обусловлен, по нашему мнению, разными типами социальных задач, которые решали эти философы. Деятельность Цзэн Гофаня происходила в условиях тотального кризиса в государстве и нехватки квалифицированных кадров для решения хозяйственных и военных задач. Вполне возможно, что потребность формирования боеспособной армии обусловила предельный для традиционного конфуцианства практицизм и универсализм его подхода к индивидуальному сознанию и интерпретации категории «синь».

1. Чжу Си. О сознании. Пер. и коммент. Зограф. И.Т. М., 2002. с. 84.
2. Кобзев. А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983. с.59.
3. Ван Янмин. Ван Янмин Цюаньцзи [Полное собрание сочинений Ван Янмина]. Гл. ред. Ян Гуан. В 6 тт. Пекин, 1997. Т. 3. с. 1596-1597.
4. Васильева Е.А. Категория «синь» в философской системе Цзэн Гофаня. // Студент и научно-технический прогресс. Новосибирск, 2004. с. 79-81.

Определительные словосочетания в адыгейском языке.

А. П. Выдрин

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Доклад является результатом экспедиционной работы в республике Адыгея (аул Хакуринохабль, лето 2004 г.) и посвящен рассмотрению свойств определительных комплексов адыгейского языка. Из доступных грамматик известно, что данные комплексы имеют единое ударение и интонацию, при их образовании происходят определенные фонологические чередования, все словоизменительные префиксы всегда присоединяются к началу комплекса, а суффиксы (показатели числа, падежа и др.) – к концу (исключение составляет только каритивный суффикс -(н)чъэ), внутри определительных словосочетаний не могут вклиниваться словоизменительные аффиксы и слова, не относящиеся к данному комплексу. Исходя из этих свойств определительных словосочетаний, выдвигается гипотеза о том, что определительные комплексы являются единым целым с морфологической и фонологической, а также синтаксической точек зрения. Другими словами, определительные комплексы можно рассматривать как результат инкорпорации. В задачу экспедиционной работы входило подтверждение или опровержение данной гипотезы с помощью постепенного усложнения данных комплексов зависимыми словами, присоединения суффиксов отрицания к различным частям комплексов, а также употребления комплексов в различных синтаксических конструкциях. Также одной из главных задач было решение вопроса о синтаксическом статусе определительных словосочетаний, а именно, являются ли они фразовыми или терминальными категориями.

Если у определяемого есть зависимые слова, то они всегда стоят в позиции перед определительным комплексом. Предложения с зависимыми словами, поставленными после определительного комплекса, оцениваются информантами как менее правильные. Рассматриваются определительные комплексы, в составе которых определение выражено местоимением (фэдэ ‘такой’). Синтаксически фэдэ ведёт себя как типичное определение, то есть не может разрывать определительный комплекс.

fede	wəne-xe-r	ǰə	aʂəʒ'xerep
такой	дом-PL-ABS	сейчас	не строят
‘Такие дома сейчас не строят.’			

*wəne-xe-r	fede	ǰə	aʂəʒ'xerep
------------	------	----	------------

Рассматривается конструкция с нахь ‘более’, используемая для выражения сравнительной степени прилагательных. Как пишет грамматика, эта частица ставится перед словосочетанием «определение+определяемое» [1]. В ходе опроса информантов выяснилось, что нахь может находиться как перед определительным комплексом, так и внутри него. Из этого можно сделать следующие выводы: нахь 1) не имеет постоянного места перед определительным словосочетанием; 2) ведет себя скорее как определяемое, то есть может вклиниваться в рассматриваемые комплексы, не изменяя их структуры. Мы считаем, что семантическая разница между употреблением нахь перед определительным комплексом и внутри его заключается в том, что, если нахь стоит перед определительным комплексом, то относится ко всему комплексу, если внутри, то только к определению. Если предположить, что определительные словосочетания синтаксически представляют собой фразовые категории, тогда нахь по своему синтаксическому поведению похоже на обстоятельства, которые почти всегда, если по смыслу они относятся к определенной фразовой категории, являются составляющей этой категории.

При отрицании определения определительный комплекс разрывается, определение получает суффикс отрицания, определяемое – падеж, при этом определяемое скорее всего входит в одну категорию с глаголом:

aʂ'	[ǰenə	əʂ'ere]-r	dax-ep
он	платье	продает-ABS	красивый-NEG
‘Он продает некрасивое платье’.			

Если отрицание относится к определяемому, определительная конструкция также всегда разрывается.

Маркеры фокуса имеют постоянное место после рассматриваемого комплекса и могут относиться к любой его части. Мы считаем, что при употреблении маркеров фокуса с определительными комплексами происходит Pied Piping.

Если определение поставить под контрастное выделение, то вместо одной определительной конструкции мы получим две, то есть фраза

«посмотри на большой дом, а не на маленький» будет выглядеть следующим образом: «посмотри на большой дом, на маленький не смотри».

В докладе рассматривается также поведение определительных словосочетаний при усложнении определения зависимыми словами (например, в английском, так же как и в русском, в данном случае происходит изменение порядка слов *a pride man; a man pride of his son; *a pride man of his son*). В адыгейском языке определения, способные иметь зависимые слова, как правило, могут стоять как после определяемого, так и перед ним. При присоединении зависимого слова возможно шесть вариантов различных перестановок, из которых в четырех комплекс «определение + определяемое» остаётся цельнооформленным. Рассмотрение данных случаев позволяет сделать вывод, что для непротиворечивого объяснения синтаксической структуры подобных предложений, определительные словосочетания следует считать терминальными категориями.

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что определительные словосочетания адыгейского языка представляют собой единое целое с фонологической и морфологической и синтаксической точек зрения и, если понимать инкорпорацию как полное единство двух слов, адыгейские определительные словосочетания могут быть названы инкорпорацией.

1. *Розава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Майкоп, 1966, с. 377.

К вопросу о древности традиции японского женского кукольного театра

К. В. Головина

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Истоки традиции кукольного театра в Японии восходят к VIII веку, когда в стране появились первые кукольники, пришедшие из Китая. К тому времени различные виды кукол уже широко использовались в Японии. В основном, они функционировали в области сельскохозяйственной и календарной обрядности. Речь идёт, например, о «мусиокури» и «нингёокури», символическом отпуская кукол по воде с целью защиты посевов от вредных насекомых, в котором присутствуют элементы симпатической магии. Эти и многие другие обряды, связанные с

куклами и являющимися предысторией возникновения японского кукольного театра, сохранились в деревнях и по сей день, но в русской японистике о них упоминается крайне редко. Также, по всей Японии продолжает соблюдаться обряд с использованием кукол Осирасама, посредством которых устанавливается связь с божествами. Ни одно народное празднество в Японии и по сей день не обходится без участия кукол (каракури-нингё). Центральную роль в отправлении большинства обрядов с применением кукол издревле занимают женщины.

Древнейший пласт традиций, связанных с куклами, подготавливает богатую почву для становления кукол как элемента зрелищного публичного искусства. Результатом поэтапного развития, обусловившего специфику представления и особенности строения кукол и управления ими, явилось полное формирование японского кукольного театра к XVII веку. Первоначально кукловодами в нём могли быть представители обоих полов.

С укреплением буддийско-конфуцианской морали и под влиянием различных социальных факторов женщины вытесняются из участия во многих формах искусства, в том числе и кукольного театра. Японский классический кукольный театр с центром в Осака представлен исключительно мужчинами – кукловодами, рассказчиками, музыкантами.

И всё же в уголках Японии сохранились женские и смешанные труппы. Одна из них, Отомэ Бунраку в Осака, официально датирует начало своего существования серединой XX-го века, и многими причисляется к так называемым новым формам искусства кукольного театра. Однако если взглянуть на историко-культурную подоплёку формирования театра Нингёдзёрури в Японии, можно смело говорить о древности этой традиции и называть его рождение в XX-м веке реконструкцией древних кукольных постановок с участием женщин. В ходе исследования и реальных наблюдений в процессе годового обучения автора данной работы в качестве кукловода и исследователя в театре Отомэ Бунраку (Осака), были сделаны следующие выводы, говорящие о древности данной традиции.

1. Древние японцы поклонялись богине Аматэрасу – солнцу, воплощённому в женском начале. Именно Аматэрасу вершила главные дела древнего государства, поэтому её культ чрезвычайно силён и поныне. Буддийское пренебрежение к женскому полу, выраженное в знаменитой японской поговорке «Мужчине – уважение, женщине – презрение», ставшее основополагающим принципом общественных отно-

шений, а также конфуцианская мораль, отдававшая предпочтение «государственному мужу», принизили значение синтоистских верований и роли женщины в обществе.

2. Сельскохозяйственной обрядностью во многом занимались женщины, так как их участие в них обеспечивало богатый урожай. Все древние обряды с использованием кукол были уделом женщин. Жрицы при синтоистских храмах, «мико», те, которые через трансцендентальные состояния входят в контакт с богами – тоже всегда женщины. Вышеупомянутый обряд Осирасама изначально отправлялся каждой хозяйкой дома в деревнях, а затем стал привилегией «итако» – жриц, опять же женщин. Всё это свидетельствует о том, что в древности женщины были наделены особым правом прикосновения к куклам как к священным существам.

3. Право первенства мужчинам было отдано и с началом в Японии многочисленных войн, так как требовалась физическая сила. Возвращение с победой и высокая востребованность мужчин в делах государства опять же отодвигает женщин на второй план.

4. Классический японский театр предполагает наличие трёх кукловодов на одну куклу, древние же гравюры изображают представления, в которых один кукловод управляет одной куклой. На этих гравюрах, сохранившихся в малом числе, кукловоды – именно женщины.

5. В древних описаниях театров отсутствуют указания на пол кукловода, что говорит о неактуальности проблемы, кто будет кукловодом, женщина или мужчина, для древнего сообщества.

В результате этих и многих других наблюдений, можно заключить, что женский кукольный театр – древнейшая традиция, а не нововведение XX-го века.

Структурный анализ современного китайского стиха (к вопросу о формальном проведении границы между современной прозой и поэзией)

Ю. А. Дрейзис

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Если классическому китайскому стиху присуща строгая формальная организация: определенное количество знаков в строке или произведении, определенная схема внутрисклонового чередования ровного и «косого», или модулированного, тонов и, что самое важное, рифма, то

в современном китайском стихе не наблюдается очевидных отличительных особенностей, которые в большинстве случаев могли бы однозначно свидетельствовать о том, что то или иное конкретное произведение является именно стихом. В связи с этим встает проблема проведения границы между современной прозой и поэзией, так как определенно существует ряд формальных критериев, на основании которых носители языка отличают поэтические произведения от прозаических.

Данное исследование представляет собой попытку выявления структурных особенностей современного китайского стиха с опорой на формальный анализ ряда поэтических произведений, таких как «Глаза» Хуан Хуая, «Лунные узоры» Лань Хайвэня, «Пейзаж во время дождя» Чжу Сяна, «Полет в одиночестве» Лу Сунчана, «Звук флейты» Ли Ина и «Флейта из листьев» Го Фэна, а также данные психолингвистического теста. В ходе теста восьми носителям языка было предложено для сравнения два текста (стихотворение в прозе классика китайской литературы Лу Синя «Прощание тени» и отрывок из его рассказа «Снадобье»), а также семнадцать сформулированных на основе работ современного китайского исследователя Люй Цзиня утверждений, связанных с проблемой разграничения прозы и стихотворений в прозе, с тем чтобы была подтверждена их истинность или ложность.

В результате исследования были получены следующие выводы:

1. Современный китайский стих является весьма сложным образованием – это совокупность различных форм: от тяготеющих к упорядоченности классического стиха до максимально «свободных». Что касается регулярного стиха, то, избавившись от многих ограничений, в том числе от традиционной рифмической системы, представленной в словарях рифм и не соответствовавшей реальному звучанию, он не отказался от рифмы вообще. В качестве стандарта была выбрана система тринадцати сверхтональных рифм (чжэ), первоначально обслуживавшая потребности театра и эстрады. Сравнение тринадцати чжэ и восемнадцати рифм пекинской фонетической системы доказывает их значительную близость, что делает рифмовку более свободной и естественной.

2. Вместе с тем, наибольший интерес для изучения представляют, по-видимому, именно формы, лишённые строгой организации и занимающие пограничную зону между стихом и прозой, в частности, стихотворения в прозе.

3. К числу отличительных особенностей стихотворений в прозе относится, прежде всего, отсутствие признаков строгой организации, присущих поэзии, таких, как наличие рифмы, равенство строк по числу знаков и тактов и т. д., что сближает стихотворения в прозе с прозаическими формами.

4. То, что отличает стихотворения в прозе от собственно прозы, одновременно сближает их с формами поэтическими: это сложная внутренняя структура, в частности, сложное построение субъекта сознания, особая роль ассоциаций, различных форм сравнения и сопоставления в организации художественного пространства, а также использование присущих лирике форм фонетической упорядоченности, в частности, стихотворного ритма, и особой, лирической, художественной интонации. Стихотворения в прозе сходны с лирикой по еще одному показателю – иллюзии наличия синхронного адресата (аналога слушающего), помогающей имитировать полноценную речевую ситуацию, в то время как проза довольствуется наличием только аналога говорящего – повествователя.

5. Данные проведенного теста свидетельствуют о том, что границы между стихотворениями в прозе и собственно прозой не вполне определены даже для носителей языка, хотя эта литературная форма существует уже довольно продолжительное время – с начала XX века. С другой стороны, несмотря на трудности при разграничении этих литературных явлений на практике, представляется возможным утверждать, что в сознании носителя языка существует вполне определенный набор критериев для такого разграничения в форме представления об отличительных особенностях различных литературных форм.

Основное о строении синтаксической конструкции с s в амхарском языке

И. М. Дьяков

Санкт-Петербургский государственный университет

Целью данной работы является определение формы, правил построения синтаксической конструкции с клитикой s. Это исследование представляется актуальным в связи с тем, что подобные ей конструкции широко распространены в амхарском языке и имеют по несколько значений, которые можно выяснить лишь в определенном контексте. При этом данная тема не была отражена в полной мере ни в одном

ином труде, кроме грамматики Вольфа Леслау [Leslau 1995], где ее изложение нельзя назвать систематичным.

Тем интереснее исследуемая тема, что по форме префикс клитика s(ə) исполняет в предложении функцию союза (вообще, как указывает Б.М. Гранде, «в семитских языках содержание функциональных отношений в слове довольно широко <...>. В русском языке это выражается <...> аналитическим путем, в семитских же языках это передается синтетически...») [Гранде 1998: 110]). Как пишет В.Б. Касевич, «в большинстве современных синтаксических теорий, имеющих в основе понятие иерархичности, зависимости, такой вершиной синтаксической конструкции признается глагол». [Касевич 1988: 103] В качестве ядра исследуемой синтаксической конструкции можно выделить следующую форму: клитика s присоединяется слева к глаголу в простом имперфекте, в утвердительной и отрицательной форме, и пишется с ним слитно. (Возможно использование s лишь с одним глаголом в перфекте – [alle] – «иметься», и то данный глагол выражает значение имперфекта.

Сам глагол в простом имперфекте утвердительной формы не претерпевает никаких изменений в произношении, кроме форм 3-го лица ед.ч. муж.р. и 3-го лица мн.ч., в которых происходит поглощение префиксальным “s” более слабого согласного “y” с одновременным переходом следующего за ним исходного гласного “o” в “i”. Там, где согласный “s” сталкивается с согласным (например, как во 2-ом лице утвердительной форме) между ними для разряжения используется гласный “o”. Все эти изменения происходят в полном соответствии со стандартными фонетическими закономерностями амхарского языка. В отрицательной форме глагол во всех формах теряет конечную m (ср., напр., форма простого имперфекта 3-го лица ед.ч. *aymetam*).

Данная форма изменяется по числам, лицам и родам. Глагол в составе данной формы может предстать также и в пассивном залоге.

Частицы, подобные s, следует называть «слитными». Название это выбрано не только по орфографическим соображениям, не только потому, что они пишутся слитно, но и потому, что они действительно сливаются в одно слово со следующим за ним словом (выделение мое – И.Д.), т.е. являются префиксами». [Гранде 1998: 111] Очень верно отмечено, что клитика «сливается» со следующей за ней глагольной формой. В нашем случае это заметно достаточно явно, особенно, тогда,

когда рассматриваемая синтаксическая конструкция и даже отдельное слово с s представляют собой устойчивое выражение.

Форма с клиткой s сохраняет глагольное управление и может иметь при себе зависящие от него слова (прямое и косвенное дополнения (в т.ч. и с определениями), различные обстоятельства и т.д.) Слова, относящиеся к группе глагола с s, располагаются перед ним. Если читать слева направо, то сначала идет группа подлежащего этого придаточного предложения (она часто может отсутствовать), за ней следуют обстоятельства и дополнения со своими определениями, причем прямое дополнение чаще ставится непосредственно перед глаголом с s. В целом же, конструкция с s – это достаточно гибкая структура, в ней нет жесткого порядка слов, а число слов и оборотов, ее составляющих, может колебаться в весьма значительных пределах. В основных чертах (например, таких, как вышеуказанное качество – «гибкость») конструкция с s повторяет структуру стандартного амхарского предложения.

Возможно присутствие различных подлежащих внутри одного сложноподчиненного предложения, в состав которого входит рассматриваемая конструкция. Пожалуй, можно отметить, что равновероятно использование конструкции с s в сложноподчиненных предложениях как с общим для главного и придаточного предложений подлежащим, так и с собственным подлежащим.

В составе одного сложного предложения число конструкций с s не ограничено, но в среднем употребляется не более одной - двух таких конструкций. Конечно, могут встречаться такие «монстры», где в составе одного сложного предложения входят до шести (!) конструкций с s. Однако точно так же, как носитель русского языка в устной речи крайне редко использует деепричастия и деепричастные обороты, так и амхароязычные люди не любят усложнять свою речь конструкциями с s.

Рассматриваемая синтаксическая единица может быть признана простым предложением, ведь в целом она обладает значением предикативности и своей семантической структурой, которые обнаруживает в системе формальных изменений. Она имеет определенную коммуникативную задачу, которая выражается интонацией и порядком слов.

1. *Гранде Б.М.* Введение в сравнительное изучение семитских языков. М., 1998.

2. *Касевич В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.

3. *Титов Е.Г.* Грамматика амхарского языка. М., 1991.

4. *Храковский В.С.* Очерки по общему и арабскому синтаксису. М., 1973.

5. *Dawkins C.H.* The Fundamentals of Amharic. Addis-Abeba, 1960.

6. *Leslau W.* Reference Grammar of Amharic. Wiesbaden, 1995.

«Буквенные слова» в современном китайском языке

К.А. Кожя

Институт востоковедения РАН (Москва)

Вслед за расширением международных связей и активным взаимодействием с другими странами китайская цивилизация и китайский язык как её неотъемлемая часть неизбежно приходят в соприкосновение с другими культурами и новыми явлениями, свойственными этим культурам. Такое соприкосновение в сфере языковых контактов проявляется главным образом в заимствовании новой терминологии и названий новых понятий. Однако большинство заимствований оказываются слишком громоздкими в сравнении с традиционно немногосложной структурой китайского слова, в то время как количественная структура китайского слова – важная типологическая черта. В этой связи, идёт большое проникновение иностранных фонетических заимствований, а также аббревиатур, записанных буквами иностранных алфавитов. Таким образом, сегодня в китайском языке складывается принципиально новая картина в сфере заимствований: во-первых, снято табу с проникновения фонетических заимствований, т.е. буквенных слов, а во-вторых, идёт процесс заимствования принципиально нового типа – инициальных аббревиатур.

Обращаясь к явлению буквенных слов, а также инициальных аббревиатур, следует отметить, что все заимствования этого рода – либо чисто фонетические, либо полукальки. Приобретая буквенное выражение на письме, аббревиатура базируется на послоговом прочтении в речи, что предопределено силлабизмом звуковой системы китайского языка. Все инициалы латинского алфавита, на базе которых создаются аббревиатуры, произносятся по их буквенным названиям в английском языке, т.е. как слоги: J [dZeI], H [eitS], Y [wai], T [ti:] и т.д. Таким образом, письменные знаки буквенной системы, так же как и знаки иероглифической системы одинаково реализуются в китайской речи в виде слогов. Однако фонетические характеристики английских звуков, входящих в слоги-названия букв английского языка, как правило, не сов-

падают с фонетическими характеристиками соответствующих звуков в китайском языке. Более того, в связи с проникновением в китайский язык фонетических заимствований сегодня в китайском языке появляется целый ряд новых по составу слогов.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что в самом китайском языке на базе заимствованных слов образуются собственные инициальные аббревиатуры. Следует также подчеркнуть, что одновременно с процессом заимствования буквенных слов и создания буквенных слов всех типов происходит их семантико-морфологическое освоение, когда, во-первых, буквенные образования входят в состав более сложных единиц наряду с собственно китайскими элементами, и во-вторых, приобретают китайское суффиксальное и полусуффиксальное оформление. Слова этого рода китайские лингвисты обозначили особым термином 混血儿 *hūnxuèr* «метисы, мулаты». Подобные буквенные слова, подвергаясь адаптации в китайском языке, начинают функционировать по законам китайской морфологии и синтаксиса.

Таким образом, в китайском языке сегодня можно наблюдать активное взаимодействие двух различных графических систем – буквенной и иероглифической, а также взаимодействие двух различных фонетических систем: фонетических норм китайского языка и фонетических норм английского языка. Такое взаимодействие, безусловно, не лишено противоречий, обусловленных различными структурными характеристиками этих систем. Вместе с тем, оно приводит к созданию в языке новых лексических единиц, новых типов лексических образований, проникновению в китайский язык новых фонетических явлений, вносит новое представление о письменной реализации не только заимствованного, но и исконно китайского слова. На фоне традиционно консервативной, сдержанной позиции китайского языка по отношению к каким-либо внешним факторам влияния вообще и особенно к фонетическим заимствованиям происходящие в нём сегодня процессы явно беспрецедентны и требуют теоретического анализа.

Непрямое употребление императивных форм в современном японском языке

Л. Ю. Хронопуло

Санкт-Петербургский государственный университет

Как известно, повелительное наклонение русского глагола может употребляться в повествовательном непобудительном предложении. В. С. Храковский и А. П. Володин различают внутрипарадигматические и внепарадигматические не прямые употребления императивных форм [6, с. с. 227, 234].

В. М. Алпатов пишет, что использование форм императива в неимперативном значении не свойственно японскому языку [5, с. 87]. Действительно, примеры непрямого употребления императивных форм в японском языке, в отличие от русского, малочисленны; мы обнаружили такое явление лишь в некоторых устойчивых сочетаниях и лексикализованных конструкциях. Приведём пример непрямого внепарадигматического значения японского императива: (1) *Соно хито-га иканару дзидзё:-ни сэё кё:кай-о урагиру надо то ва синдзирарэннай кото дэ ару* [7, с. 256]. – «Невозможно поверить, чтобы этот человек, какими бы ни были обстоятельства (букв. ‘какими ни делай обстоятельства’), предал Церковь».

В данном предложении употреблена императивная форма глагола *суру* - *сэё*. Здесь представлено как раз не прямое употребление императива, при котором не выражается общекатегориальное императивное значение волеизъявления. Приведем пример с глаголом *ару* - ‘быть’ в императивной форме, когда опять же нет ситуации непосредственного обращения с побуждением к действию, и соответственно, у предложения неимперативная интонация: (2) *Отоко дэ арэ, онна дэ арэ, фукё:-но има ва сю:сёку суру кото ва мудзукасий* [4, с. 20]. – «Что мужчине, что женщине (букв. ‘будь ты хоть мужчиной, будь ты хоть женщиной’), сейчас в период экономического кризиса трудно устроиться на работу».

Интересно, что в приведённых предложениях употреблена императивная форма глагола бытия для неодушевлённых предметов, которая в прямом употреблении обычно не встречается. В данном случае можно говорить об условно-уступительном значении императивной формы (‘если ты являешься...’, ‘даже если ты являешься...’ - выражается предполагаемое условие). В приведённом предложении присутствует

императивная форма связочного *ару* в не повелительном значении, так как речь здесь идёт о глаголе *ару* в составе связки *дэ ару*.

Вл. Грабье говорит о формулах пожелания в русском языке типа «Дай вам бог счастья!», «Да пошлёт вам бог» [1]. Подобные употребления императивной формы глагола *ару* сохранились лишь в устойчивых выражениях такого рода, передающих желание говорящего (например, *ко:фуку дэ арэ* – «будь счастлив»), в ряде пословиц и поговорок, в заклинаниях, а также в клятвах именем бога, которые перешли в современный японский язык в том же виде, в каком они существовали в древнеяпонском языке [3].

В таких случаях, когда речь идёт, например, о явлениях природы, которые человек не может контролировать, можно говорить об оптативности, для выражения которой используются императивные формы: (3) *Асу тэнки-ни нарэ!* [6]. – «Пусть завтра будет хорошая погода!» К оптативным высказываниям мы причисляем также высказывания, в которых употреблена императивная форма от глаголов, от которых в нормальной ситуации она не образуется, например: (4) *Комарэ, комарэ!* [2]. – «Попади, попади в неловкую ситуацию!»; (5) *Сиппайсиро!* [2]. – «Потерпи, потерпи неудачу!» В приведённых предложениях употреблены императивные формы от глаголов *комару* – «находиться в затруднительном положении» и *сиппайсуру* – «потерпеть неудачу». В обоих случаях говорящий желает слушающему неприятностей, имея в виду: «Пусть тебе не повезёт!»

Обе простые синтетические формы повелительного наклонения от глагола *суру* - *сэё* и *сиро* употребляются в составе ряда устойчивых фразеологизованных конструкций в уступительном значении «пусть», «хотя», если даже». Например, выражения *идзурэ-ни сиро* и *идзурэ-ни сэё* имеют значение «во всяком (любом) случае», «как бы то ни было», «так или иначе» (букв. «каким ни сделай»). Выражение *нанисиро* (букв. «что ни делай») имеет значения «что ни говори», «во всяком случае», «как бы то ни было».

1. *Грабье Вл.* Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983. С. 105-128.

2. Коидзumi Тамоцу, Фунаки Митио, Хонда Кундзи, Нитта Ёсио, Цукамото Хидэки. (*Нихонго. Кихон до:си ё:хо: дзитэн*). Японский язык. Словарь употреблений основных глаголов. Токио, 1989.

3. Мураками Миёси. (*Мэйрэйбун: сиро, синасай // Котоба-но кагаку, №6*). Императивные предложения: *сиро, синасай // Языкознание, № 6*. Токио, 1993. С. 67-115.

4. Сираэри Маюми, Инадзима Хитоми. Нихонго но:рёку сикэн тайо:. (*Бумпо: мондайсю: Иккю:, никю:*). – Подготовка к экзамену по определению уровня владения японским языком. Вопросы по грамматике. Первый и второй уровни. Токио, 1996.

5. Типология императивных конструкций. Коллективная монография / отв. ред. В.С. Храковский. СПб., 1992.

6. *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. / Отв. ред. В. Б. Касевич. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2002.

7. Эндо: Сю:сакусю:. (*Синтё: нихон бунгаку. Дай годзю: роккан*). – Собрание сочинений Эндо Сюсаку. (Новое собрание произведений японской литературы. 56-й том.). Токио, 1993.

Военная терминологическая лексика калмыцкого языка

Б. С. Хулхачеев

Калмыцкий Государственный Университет

Военная терминологическая лексика калмыцкого языка ранее не подвергалась систематическому лингвистическому описанию. Исключение составляет статья Бачаевой С.Е. «Военная лексика в эпосе Джангар». В этнографических, исторических исследованиях немало сведений о военном снаряжении, оружии, видах военных действий и т.д.

Целью нашего исследования является изучение, систематизация и анализ военной терминологической лексики калмыцкого языка. По нашим предварительным наблюдениям выявлено 43 слова, связанных с военными действиями, 18 видов доспехов и оружия и т.д. В данном сообщении рассматриваются термины экипировки калмыцких воинов XVII-XVIII веков.

Экипировка хорошо вооруженного калмыцкого воина второй половины XVII – первой четверти XVIII веков состояло из ружья, лука, колчана со стрелами, копыя, сабли, кольчуги или панциря, шлема, налокотников, ножа, аркана.

Самым массовым и распространенным оружием дистанционного боя оставались у калмыков лук и стрелы, которые применялись на вой-

не и охоте. Луки у калмыков были, как правило, сложносоставные, способные стрелять и в мороз, и под дождем.

Войны в бою обычно пользовались боевыми стрелами, имевшими в длину 75 см, которыми они стреляли из луков, а при необходимости их можно было метать в противника рукой.

С середины XV века ойраты использовали в войсках огнестрельное оружие – ружье. Позже появились пушки.

Калмыки применяли огнестрельное оружие часто и достаточно умело. В 1629 году у реки Яик собрался 6-тысячный калмыцкий отряд, из которого 800 воинов были вооружены «огненным боем», а 1643 году отряд тайши Бадмы подошел к Яицкому городку также с «огненным боем».

Средство дистанционного боя:

адрун, нумн, саадг – лук

кивр, сумн, ходль, джилн – разновидности стрел

бу – ружье

сумн – пуля

ковч – тетива лука.

Одним из самых распространенных видов оружия у калмыков в это время было копье, которое оставалось незаменимым оружием, как при столкновении больших конных масс, так и при одиночном единоборстве.

Копья чаще всего были с узким и вытянутыми, обычно трех или четырехгранными наконечниками на длинных (несколько более 3-х метров) древках. В месте соединения наконечника с древком укрепляли «султан» – цветную развевавшуюся на ветру кисть, обычно из конского волоса, который служил не только для украшения, но и должен был впитывать и задерживать кровь, льющуюся из раны противника на древко. Испачканное в крови древко скользило бы в руках, не позволяя нанести точный и сильный удар.

Использовались калмыками и дротики – метательные копья, длиной около 1,5 метров, которые были серьезным оружием в умелых руках.

А.Т. Болотов в своих «Записках...» писал об одном из эпизодов Семилетней войны (1756-1763 гг.), когда калмыки показали, знаки своего проворства... человек из них – усмотря человек двадцать прусских гусар... – переплыв нагие и без седел, с одними дротиками через Прегель – ударили с такой жестокостью на них, обративши их в бегство... трех убили, а одного в плен взяли» [1]. Средства среднего боя:

джид – копье

арм – дротик

Излюбленным рубящим оружием калмыков для рукопашного боя оставалась сабля. В отличие от более ранних сабель, сабли 17 – 18 вв. часто имели большую ширину и кривизну клинка. Они позволяли наносить мощный рубящий удар, а также колоть.

Калмыки, как и многие кочевые народы, использовали аркан – длинную веревку из конского волоса с подвижной петлей на конце, который в мирное время служил для ловли животных, а во время боевых действий был дополнительным видом оружия, предназначенным в основном для бесшумного уничтожения вражеских часовых или захвата пленных.

Для рукопашного боя часто использовали небольшие топоры на короткой рукоятке.

Средства рукопашного боя:

селм – сабля

аргамдж – аркан

олднг – нагайка

эв балт – боевой топор

маля – плеть, плетка

ханджал – кинжал

улд – меч

шорнг – штык

Весьма разнообразным было и защитное снаряжение воина. Для защиты войны широко использовали латы различных типов, таких, например, как куяк (хуйг), которые представляли собой доспех из металлических пластин, круглой или прямоугольной формы, прикрепленных на кожаную или суконную основу. В «Истории Убаши – хунтайджи и его войны с ойратами» (1587 г.) описывается другой вид доспехов – «улбо», который представлял собой разновидность «тегиля» – кафтана или халата до колен, из сукна или толстой бумажной материи, а у богатых воинов из шелка, и подбивавшейся пенькой и ватой, в подкладку при этом часто вшивались кольчужные сетки, стальные бляхи или конский волос. Улбо были очень теплыми легкими и такими плотными, что их почти невозможно было прострелить из лука. Они также хорошо защищали от ударов сабель и копей.

Шлемы у калмыков были сделаны из нескольких частей склепанных между собой. Они чаще всего имели куполовидную или круглую

форму с длинным шпилем, к которому прикреплялся кусок красной ткани или кожи (улан залата).

Средство защиты:

лувц – воинские доспехи

хуйг – куяк, панцирь

ко хуйг – броня, панцирь, кольчуга

дуулх – шлем

Таким образом, военная терминологическая лексика калмыцкого языка – очень специфичный пласт лексики, требующий дальнейшего тщательного исследования в плане систематизации, классификации терминов, этимологического анализа лексем и т.д.

1. Цит. по: *Борисенко И.В.* Калмыки в русском изобразительном искусстве. Элиста, 1982, с.20-21

2. *Басхаев А.Н.* Вооружение калмыков во время правления Аюки-хана (вторая пол. XVII – первая четверть XVIII вв.). Вестник Института, Элиста, 2002, с. 70-76

3. *Бачаева С.Е.* Военная лексика в эпосе Джангар // Джангар в евразийском пространстве. Элиста, 2004, с. 20-22

4. *Намжилов Б.Ч.* К истории военной терминологической лексики монгольского языка (XIII-XIV вв.). // Монгольский Лингвистический сборник. М., 1992, с. 54-64

5. Калмыцко-русский словарь, Москва, 1977

НАПРАВЛЕНИЕ «ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА»

Инвариантные расчеты нормы и источников капиталовложений в развивающихся странах на рубеже XX-XXI вв.

М.В. Алёхин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Валовые вложения в основной капитал являются одной из ключевых составляющих ВВП и важной характеристикой экономического роста. Ряд эконометрических расчетов показали, что существует весьма устойчивая связь между нормой накопления и темпами роста ВВП и чем больше доля капиталовложений в ВВП, тем более быстрыми темпами развивается экономика. Однако, если сопоставить официальные оценки нормы капиталовложений и результаты расчетов, проведенных в международных ценах, то можно выявить массу отличий.

Во-первых, заметим, что в паритетах покупательной способности валют (ППС) можно рассчитывать не только ВВП, но и его составляющие, в том числе валовые вложения в основной капитал (ВВВОК). Интересно, что капиталовложения в развивающихся странах, рассчитанные в ППС, оказываются несколько ниже официальных оценок. Так, например, по подсчетам американских исследователей Бруклинского института С. Коллинз и Б. Босворта, в 1960-1994 годах в странах Ближнего Востока реальная доля капиталовложений в ВВП составляла в среднем 12-13%, а не 18-20%, как следует из официальной оценки, Южной Азии – 11-12% (18-19%), Африки – 9-10% (18-20%). Во многих странах Восточной и Юго-Восточной Азии разрыв в данных показателях был несколько меньше, колеблясь в пределах 2-4%. В свою очередь капиталовложения в развитых странах, пересчитанные в ППС, будут выше. Это во многом объясняется тем, что относительная цена капитала в развивающихся странах, как правило, выше, чем в развитых. Если переформулировать, то можно сказать, что США обладают более «насыщенной» нормой накопления по сравнению, например, с Ираном.

Во-вторых, учитывая сделанное выше замечание, в группе развивающихся стран в сторону увеличения могут быть скорректированы и значения доли притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в общем объеме ВВВОК. Если, по официальным оценкам, значение этого показателя в 1990-е годы увеличилось с 4% до 13%, то с учетом относительно большей цены капитала в развивающихся странах можно вес-

ти речь об увеличении среднего значения ПИИ в ВВВОК до 16-18%. Соответственно для развитых стран предполагается корректировка этого показателя в сторону уменьшения – с 25% приблизительно до 22%.

В-третьих, необходимо еще раз определить, что мы понимаем под нормой накопления. Согласно общепринятой терминологии, ВВВОК есть вложения в производственные фонды (машины и оборудование, здания и т.п.). Однако, при таком подходе значения нормы капиталовложений не отражают реалии сегодняшнего дня. Исходя из современных условий экономического развития, норма капиталовложений должна полностью или частично включать инвестиции в образование, здравоохранение, науку, чтобы таким образом учитывать качественные составляющие экономического роста. В этом случае абсолютные значения нормы «капиталовложений» (расходов на развитие) будут существенно выше, причем, прежде всего, в развитых странах – в полтора-два раза.

Наконец, при оценке вклада капиталовложений в прирост ВВП мы должны понимать, что норма капиталовложений – статический показатель, а темпы роста ВВП – динамическая характеристика экономического развития. Нами была предпринята попытка использовать в расчетах динамику капиталовложений как фактор, влияющий на динамику ВВП. Связь между динамическими показателями оказалась более прочной.

Полученные для развивающихся стран значения коэффициентов предельной капиталоемкости, рассчитанные как соотношение нормы валовых внутренних капиталовложений и среднегодового темпа прироста ВВП, в ППС оказались ниже, чем в валютных курсах. Т.е. эффективность капиталовложений в группе развивающихся стран, рассчитанная в ППС, получилась выше официальных оценок. Однако, следует понимать, что коэффициент предельной капиталоемкости «вырос» прежде всего, за счет более низкой нормы капиталовложений, измеренной в ППС. Темп прироста ВВП в ППС для развивающихся стран тоже будет ниже по сравнению с официальными оценками, прежде всего, за счет более низких темпов прироста капиталовложений и экспорта. Поэтому, на самом деле, эффективность роста в РС будет не такой высокой.

Резюмируя, подчеркнем, что инвариантные расчеты обычной и расширенной (с учетом вложений в человеческий капитал) нормы ка-

питаловложений, а также соотношения внутренних и внешних источников финансирования капиталовложений и, наконец, динамики ВВП, пересчитанной в международных ценах по компонентам его использования, позволяют существенно скорректировать официальные оценки нормы, источников и эффективности капиталовложений как в развивающихся, так и развитых странах. Эти уточнения, на наш взгляд, могут оказаться бесполезными для *более реалистичного диагноза и прогнозирования* процесса развития, его важнейших составляющих и факторов в странах Запада, Востока и Юга.

1. Мельянцева В.А. Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. – М.: ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000.

2. Борисов Д.В. Тенденции и факторы притока прямых иностранных инвестиций в экономику развивающихся стран Азии и Африки (1990-2002 годы), канд. диссертация. – М., 2003.

Банковский сектор как один из каналов «отмывания грязных денег».

А. Л. Гевелинг

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Сценарии «отмывания денег» настолько разнообразны, что вряд ли кто-нибудь сможет дать их полную классификацию. Так или иначе, основными каналами легализации незаконных доходов служат: международные торговые сделки и банковский сектор. В сфере торговли следует выделить различные пути «отмывания». В их числе - переплата за ввозимые товары, недоплата за экспортируемые товары и услуги, фиктивные договоры, оплата несуществующих товаров (зачастую это оплата таких услуг, как юридические и финансовые консультации) и т.п. Однако по количеству отмываемых средств именно банковский сектор.

Мировой объем легализации незаконных доходов от торговли наркотиками, оружием и других видов преступной деятельности, по оценкам, составляет от 500 млрд. долл. до триллиона долларов ежегодно. Банки выступают в роли своего рода «стражей ворот» законной финансовой системы. Только их бдительность может оградить систему от организованных преступных группировок, коррупционеров, террористов и не давать им инструмент сокрытия доходов от криминальной

деятельности. Банки играют решающую роль в предупреждении и выявлении фактов отмывания денег и передаче сведений в соответствующие органы. Несмотря на пристальное внимание проверяющих органов, банки до сих пор пользуются «спросом» у лиц, желающих легализовать свои незаконные доходы.

Использование банковской системы для «отмывания денег» возможно при условии:

а) создания многоходового сценария по легализации средств путем внедрения его в законопослушный банк.

б) открытия собственного «карманного» банка.

в) формирования подпольной банковской системы.

Первая схема применяется не слишком часто. Это можно объяснить тем, что у человек или организация, которая хочет «отмыть деньги», сразу же сталкивается с рядом проблем, таких как: высокий риск потери денежных средств, в связи с раскрытием банком или иным контролирующим органом схемы, по которой пытались легализовать нелегальные или полуполюгальные доходы; сложность исполнения комбинации (зачастую в подобных операциях участвуют несколько фирм-посредников и банков); большое количество участников создает угрозу обнаружения и финансовой «ликвидации» компании, занимающейся «отмыванием денег».

Вторая модель – создание подконтрольных финансовых институтов, предполагает использование банка в качестве дорогостоящего проекта. Для разовых операций подобные «банки» не создаются. Очень часто крупные криминальные синдикаты открывают или берут под свой контроль банки с целью долгосрочного использования их финансовых возможностей в своих преступных интересах. Но этот вариант рассматриваться, как весьма рискованный и капиталоемкий. Достаточно вспомнить, что летом 2004 г. ЦБ РФ отозвал лицензию у «Содбизнесбанка», который был обвинен в пособничестве «отмыванию денег».

И, наконец, третья схема – использование подпольной банковской системы. В современных международных экономических отношениях сформировалась и активно действует теневая банковская система, которая без труда может перемещать огромные суммы средств, выводя их из поля зрения государственного контроля и не прибегая к стандартным банковским процедурам. «Черными» банкирами подобной нелегальной сети часто являются члены старинных семей, кланы ме-

нял, представители бизнес-элиты и «легальные» банкиры, которые нарушают внутренние законы банка. Через подобную банковскую систему перекачивают деньги, полученные от преступной деятельности и уведенные от налогообложения. Зачастую услугами «черных» банкиров пользуются для «поддержки» криминального бизнеса и финансирования терроризма.

Лица и организации, вовлеченные в процесс «отмывания денег» через банковскую систему, активно используют фактор банковской тайны. Банковская тайна является одним из наиболее важных тем в полемике относительно нарушений личной тайны. В общепринятом понимании банковская тайна является разновидностью коммерческой тайны и заключается в том, что предприятия и банки стремятся скрыть сведения о своих операциях в целях закрепления за собой высоких прибылей. Между тем, вопрос что является банковской тайной и что нет, кто может иметь к ней доступ и кто нет, по-прежнему остается открытым.

Вероятно, первая половина XXI века станет периодом системной разработки и реализации качественно новой стратегии борьбы с «отмыванием грязных денег» через банковский сектор. Залогом успешного решения данной задачи должно быть активное участие в ликвидации теневой финансовой деятельности не только экономически развитых государств, но и стран «третьего мира». Страны с переходной экономикой, несомненно, должны отказаться от роли «черной дыры» в мировой финансовой системе и, мобилизовав свои правовые, политические и иные возможности, включиться в глобальные процессы развития цивилизованных хозяйственных отношений.

Гидроэнергетика Китая: проблемы и пути их решения

Р. А. Епихина

Институт практического востоковедения (Москва)

Как известно, программа экономического развития КНР до 2020 г. предусматривает увеличение ВВП в 4 раза по сравнению с 2000 г. и повышение среднедушевого ВВП до уровня 3000 долл. США. Однако, как показывает опыт предыдущих 26 лет реформ, продолжительное экономическое развитие невозможно без соответствующего энергетического обеспечения. Этим объясняется пристальное внимание во всем мире к проблемам развития ТЭК КНР и, в частности, ее гидроэнерге-

тики, задача всестороннего развития которой с начала 90-х гг. XX века была объявлена правительством приоритетной.

Упор на развитие именно этой отрасли сделан не случайно, т.к. энергетика КНР характеризуется острым дефицитом углеводородов, но в то же время, Китай занимает 1-ое место в мире по гидроэнергетическим ресурсам (их теоретический потенциал – 680 млн. кВт). При этом все еще сохраняется острый дефицит электроэнергии (особенно в бурно развивающихся восточных районах страны). Для сохранения нынешних темпов роста экономики (в среднем 7,2% в год) необходимо удовлетворить спрос на электроэнергию.

Кроме того, есть ряд факторов, влияющих на развитие гидроэнергетики в КНР. Во-первых, энергия ГЭС является чистым и возобновляемым видом энергии, что крайне важно в условиях острой экологической ситуации в стране; во-вторых, строительство именно крупных ГЭС является способом окупить затраты на ирригационные и противопаводковые проекты, без которых невозможно собирать по 2 урожая в год, а значит, и прокормить растущее население страны; в-третьих, гидроэнергетика является источником самой дешевой электроэнергии в КНР; в-четвертых, наличие дешевой электроэнергии дает толчок развитию экономики: появляются новые рабочие места, наблюдается быстрый рост в смежных энергоёмких отраслях промышленности, таких, например, как алюминиевая и др.

Несмотря на все вышеперечисленное, существуют определенные преграды развитию гидроэнергетики в Китае, которые, в свою очередь, замедляют этот процесс. Во-первых, несмотря на то, что географические условия для освоения гидроресурсов КНР достаточно благоприятны (большое количество ущелий, значительный перепад уровней на небольших участках рек в южных и западных районах), передача энергии на большие расстояния в восточные районы затрудняет их освоение; во-вторых, в силу неполноты рынка, сохранения элементов “двухколейной системы цен”, в стране продолжает сохраняться низкая фиксированная цена на электроэнергию, что лишает возможности накапливать средства, необходимые для наращивания мощностей на старых ГЭС и строительства новых, а также является главным препятствием для инвестиций в эту отрасль в будущем; в-третьих, немаловажную роль играют общее обострение экологической ситуации в Китае и протесты международных экологических организаций; в-четвертых, участие в работе исключительно китайских подрядных организаций не

позволяет использовать новейшие зарубежные технологии и строительное оборудование и ведет к увеличению сроков сооружения ГЭС и удорожанию общей стоимости проекта. Кроме того, очень остро стоит вопрос о переселении людей из района строительства ГЭС. (Тем не менее, надо отметить, что программа переселения, разработанная для проекта “Санься”, была признана Всемирным банком одной из лучших.). Наконец, пожалуй, самым важным препятствием является дефицит необходимых финансовых ресурсов. Если в период 1984-1999 гг. Всемирный банк активно инвестировал гидроэнергетику КНР, то в последние годы, под влиянием международных экологических групп, он это делать перестал. В то же время правительство КНР продолжает выводить эту отрасль из-под своей административной опеки, ищет альтернативные рыночные источники ее финансирования и готово полностью оплачивать лишь такие крупные проекты государственного значения, как «Санься», «Лунтань» и др.

С учетом изложенного для успешного развития гидроэнергетики Китая представляется необходимым выполнение ряда условий.

1. Внедрение системы «многоканального инвестирования» ТЭК, при которой часть средств вносит государство, а также его местные органы и промышленные предприятия (за исключением электроэнергетических), другая часть – банковские кредиты, третья – за счет иностранных инвестиций.

2. Создание привлекательного инвестиционного климата (выход на рынок BOT – build, operate, own): а) создание законодательства ориентированного на защиту экономических интересов инвесторов и их денежных вложений от бюрократического произвола; б) уменьшение ставок налогов для инвесторов на энергию, транспортировку, землю и др. в) обеспечение наличия и доступности информации; упрощение порядка выдачи разрешений на инвестирование проектов; г) установление справедливых рыночных цен на электроэнергию.

3. Решение экологических проблем за счет строительства новых ГЭС по передовым мировым технологиям, а также приумножения мощности уже существующих ГЭС путем увеличения числа агрегатов.

4. Дальнейшее сооружение разветвленной системы линий электропередачи.

5. Поступательный переход к рыночной системе ценообразования на электроэнергию, поскольку в случае резкого отказа от государственного регулирования, цены могли бы ступенчато вырасти в 2-3 раза.

Некоторые особенности развития «Новой экономики» в странах ЮВА. Высокорисковое инвестирование.

И. Н. Зюзин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

I. Введение.

I.1. Феномен «Новой экономики». Актуальность проблем «Новой экономики»

I.2. Три парадигмы развития: Запад, Восточная Европа, Азия.

Развитие высоких технологий в этих трёх регионах началось не одновременно и проявляет совершенно разные паттерны развития: в Западной Европе и США сосредотачиваются мировые центры разработки и НИОКР; в Восточной Европе стремительными темпами развивается сектор высокотехнологичных услуг и новый сегмент «субконтрактов» западноевропейских и американских компаний за счёт использования двух главных конкурентных преимуществ региона в мировом разделении труда – относительно низкий уровень заработной платы и высокий уровень образования (расчёт по данным HDI); в Азии в свою очередь сформировался сектор так называемых «silicon foundry», т.е. собственно производителей, работающих по предоставляемым схемам и чертежам.

II. Развитие «Новой экономики» в ЮВА. Таиланд.

II.1. Основные этапы развития "Новой экономики"

II.1.a) Обрабатывающая промышленность

II.1.b) Планы развития

II.1.c) Приток иностранного капитала и технологий

II.1.d) Таиландское «чудо» 1980-х.

II.1.e) Инвестиционный «перегрев» экономики 1996-1998 гг.

II.1.f) Кризис высокотехнологичной отрасли 2001 г.

III. Место инвестиционного фактора в развитии «Новой экономики».

III.1. Структура инвестирования и динамика роста Портфельных и ПИИ в экономике.

«Outsourcing» и «Insourcing». Получив широкое распространение, процесс выноса высокотехнологичных производств в РС ознаменовал новый этап формирования «новой экономики». Основываясь на данных тайландской статистики, можно попытаться оценить структуру

прямых инвестиций по основным секторам экономики и их вклад в экономический рост. В частности, доля продуктов высокотехнологичного сектора в экспорте выросла с практически нуля в 1975 году до более чем 30% в середине 1990х. Необходимо отметить особую роль привлечения квалифицированных кадров на первых этапах НТР «местных» кадров, формирование которых было государственной задачей в ряде НИС (Корея, Таиланд, Малайзия и др.) на более поздних этапах.

III.2. Инвестиционный кризис 1997 года и «мыльный пузырь» внешнего долга.

III.3. Корреляция роста ПИИ роста секторов «Новой экономики»

Интересным представляется расчёт корреляции роста доли портфельных и прямых инвестиций в сектора «новой экономики» и рост доли произведённого продукта в этих секторах в структуре ВВП (по данным UNCTAD, IMD), что может дать представление об истинной роли инвестиционного фактора в развитии «новой экономики» страны.

IV. Особенности высокорискового (венчурного) инвестирования на примере США, России, Таиланда.

IV.1. Характеристика высокорискового инвестирования.

IV.1.a) Общее описание и отличительные особенности венчуринга по отношению к другим формам инвестиций. Цели, объекты и задачи.

IV.1.b) Основные агенты: «бизнес ангелы», венчурные фонды, управляющие компании, мировые консалтинговые агентства, университеты

IV.1.c) Инвестирование с точки зрения фонда: Screening, Monitoring, Appraisal, Investment, Growth, Merger or Acquisition vs. IPO.

IV.1.d) Ключевые стадии: Seed, Start-up, Expansion, Mezzanine, Turn-round, Buy-out

IV.2. Анализ преобладающих стадий в развитых экономиках и развивающихся экономиках Азии и Восточной Европы. Сравнения и прогнозы.

IV.3. Феномен: «University cluster»

V. «Полевое исследование»: Факторы развития венчурного инвестирования в России.

V.1. Венчурные фонды, действующие в России.

V.2. Похожи или непохожи?

Анализ роста венчурного сектора в развивающихся экономиках Восточной Европы и Юго-Восточной Азии и сравнение с аналогичными процессами в России.

Анализ активов фондов: Bering Vostok Capital Partners, Delta Private Equity Partners, Venture Innovation Fund, Bridge Investments. Сравнение с имеющимися данными по странам ЮВА и Восточной Европы. Попытка прогноза "пути" развития российского венчуринга. SWOT-анализ.

V.3. Case study: Преломление классической инвестиционной схемы на российской действительности. Пример отдельного капиталовложения.

Пример вложения в волжскую компанию СладКо (Bering Vostok Capital Partners) от screening в 1998 до чрезвычайно успешного buy-out в декабре 2004.

V.4. Перспективы и научные направления в контексте конкурентных преимуществ России: биотехнологии и генные технологии.

Связь образования и науки. Анализ общественной полезности «новой технологии» (модель А.Харина).

Выводы и прогнозы. Венчуринг в России, Азии и Америке: двигатель революционных научных разработок или «быстрая нажива»?

1. *Дольникова В.А., Колосова А.В. Шустров П.Е.*, Таиланд. Пути модернизации и экономический бум. М., 1999.

2. *Мельянцева В.А.* Информационная революция, глобализация и парадоксы современного экономического роста в развитых и развивающихся странах. М., 2000.

3. *Freeman Nick J., Bartels Frank L.* The future of Foreign investment is South-East Asia, 2001

4. *Aylward Anthony* Trends in Venture Capital Finance in Developing Countries, 1999

5. UNIDO Economic Transformation, Industrial Potential and Current Status of Integration of the CIS Countries: the Role of Science and High-Technology, 2000

6. UNCTAD The Biotechnology promise: capacity building for participation of developing countries in the bioeconomy, 2004

7. UNCTAD E-COMMERCE AND DEVELOPMENT REPORT, 2004.

8. Word Bank Development Indicators, 2005.

Вьетнамский патриотизм как один из важнейших факторов победы в антиимпериалистической войне против США

А. Е. Коровина

Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

Вьетнамцы называют свою страну «государством ста сражений и ста побед» [1]. На долю XXв. достались четыре исторические победы народов Вьетнама. Одна из важнейших – победа над США. В результате Женевской конференции 1954г. Вьетнам был фактически разделен на две части: Север, который придерживался социалистической линии, и Юг, оказавшийся под контролем США. США основывались на «теории домино», выдвинутой главой ЦРУ Даллесом. Согласно этой теории утверждение во Вьетнаме коммунизма означало «отпадение» от «свободного мира» всей Юго-Восточной Азии. Кроме того, США стремились занять во Вьетнаме политические и экономические позиции Франции. Но, так или иначе, 30 апреля 2005г. исполнится 30 лет с тех пор, как был взят Сайгон и войска США покинули Вьетнам.

Цель данной работы – выявить истоки вьетнамского патриотизма и раскрыть его основные проявления. Рассматривая вопрос об истоках вьетнамского патриотизма, я пришла к следующим выводам:

1. Истоки вьетнамского патриотизма лежат в глубокой древности (можно вспомнить,

например, восстание сестер Чинг против ханьской администрации в 43-44г.г.[1]), поскольку Вьетнам вынужден был отражать нападки могущественного северного соседа, Поднебесной империи, на протяжении всей своей истории, а в XIIIв. – трехкратное вторжение монголов. Происходило формирование у вьетнамцев стремления к независимости и единству.

2. В 1858г. началось завоевание Индокитая Францией[1], появилось понятие «французский Индокитай». В 1946-1954г.г. произошла антиколониальная война сопротивления, которая в итоге привела к бегству французов из Вьетнама. Именно в ходе этой войны пробуждается политическая активность широких масс населения. Подтверждение тому: 6 января 1946г. на выборы в Национальное собрание вышли все граждане Северного Вьетнама, на Юге – 90%[1].

3. Поддержанию боевого духа вьетнамцев способствовал главнокомандующий вооруженными силами Северного Вьетнама Во Нгуен Зи-ап, который являлся, по словам премьера Фам Ван Донга, «архитекто-

ром вьетнамской победы» [2]. Во Нгуен Зиап видел сильнейшую необходимость в консолидации всего населения для достижения четких политических целей. Для этого он проводил широкомасштабную пропаганду среди военного и гражданского населения, пытался привлечь на свою сторону жителей Южного Вьетнама (вербовка нередко имела место и осуществлялась отнюдь не на материальной основе), а также занимался «распропагандированием» солдат противника [2].

4. Еще во время антиколониальной войны французский генерал Пеле писал: «Враг повсюду» [1]. Вьетнамцы воевали за свою землю и воевали на своей земле, в привычных с детства условиях. Это не могло не способствовать поддержанию их боевого духа.

5. В течение войны американцы распространяли на территории Вьетнама пропагандистские листовки, целью которых было разжигание национальной и религиозной розни. Был ли национализм одной из составляющих вьетнамского патриотизма? С одной стороны, иноземное господство вызывало ненависть к интервентам и стремление к политическому единству нации, что в итоге приводило к осуществлению «принципа национальности» (каждая нация должна образовать одно государство) [3]. С другой – мы не можем утверждать, что во время войны имело место притеснение национальных меньшинств.

6. Во многом патриотов поддерживали «золотые колокола» Вьетнама – деятели культуры. Можно назвать имена Нгуен Туана, Нгуен Ван Бонга, То Хоая, Чан Ван Кана [1]. Они сражались пером и кистью, а слово часто бывает сильнее оружия.

7. Важную роль в поддержании боевого духа вьетнамцев играла советская помощь. На протяжении войны СССР выделял Вьетнаму 1,5млн. рублей (около \$ 2 млн.) ежедневно. 22 тыс. советских граждан работали в стране во время войны [1].

Теперь рассмотрим проявления вьетнамского патриотизма:

1. Как нельзя ярко вьетнамский патриотизм отразился в стойкости простых солдат. Не секрет, что с обеих сторон применялись пытки, и патриоты мужественно выдерживали их. Волю вьетнамцев не сломали даже «тигровые клетки» острова Пулокондор. Там, на «кровавом архипелаге», - десятки тысяч могил патриотов, оставшихся верными своей стране.

2. Любовь к родине находила отражение во многочисленных случаях самопожертвования ради общего дела (пример – девушка-боец Нгок, отдавшая жизнь ради спасения вражеских карт, на которых были

отмечены места будущих бомбардировок, или Нгуен Ван Чой, совершивший попытку покушения на министра иностранных дел США Макнамару и не выдавший своих помощников [1]).

3. Огромный вклад в победу внесли мирные жители. Они вывозили с огневых позиций раненых, организовывали группы поимки сбитых вражеских летчиков, ликвидировали последствия налетов на мосты и дороги, укрывали партизан, участвовали в перевозке грузов. Пример: в одной только провинции Хатинь жители вырыли 355 тыс. индивидуальных укрытий, 150тыс. бомбоубежищ, 190тыс. окопов, 2 тыс. километров ходов сообщений [1]. Мужество проявили и вьетнамские врачи, делавшие в тяжелейших полевых условиях операции без рентгена.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод: несмотря на то, что США развернули во Вьетнаме широкомасштабную «психологическую» войну, победа закономерно осталась за Вьетнамом, поскольку вьетнамцы четко осознавали стоящие перед ними цели и всем сердцем стремились к объединению родины и ее свободе.

1. *Ильинский М.М.* Индокитай: пепел четырех войн. Вече, 2000, с.506

2. *Дэвидсон Ф.Б.* Военные тайны XXв.: война во Вьетнаме. old.ej.ru

3. *Бауэр О.* «Национальный вопрос и социал-демократия» // Нации и национализм. Праксис, 2002, с. 52-120

Иракский кризис и общественное мнение в странах Запада

Д. В. Кузнецов

Московский педагогический государственный университет

Все еще продолжающийся иракский кризис вызывал (и до сих пор вызывает) значительный по своему объему общественно-политический резонанс в мире. При этом он имел место, прежде всего, в тех странах, которые тем или иным образом оказывались втянуты в события, происходившие в районе Персидского залива. К ним относились: как государства расположенные в регионе – арабские страны и Израиль, так и страны Запада, выступавшие в качестве внешнего фактора по отношению к ситуации, существующей вокруг Ирака – в первую очередь, США, а также Великобритания (как ближайший союзник США в рамках НАТО) и другие, например, Франция. В результате, мнение ответственности стран Запада в отношении иракского кризиса статичным не являлось и подвергалось трансформации.

Первая, активная фаза иракского кризиса – Кувейтский кризис 1990-1991 гг. – выявила следующее: в странах Запада сформировался своеобразный «консенсус». Он подразумевал солидарность, в рамках которой жители США и Великобритании, а также Франции перед лицом общей угрозы в виде агрессора (С. Хусейн) поддержали руководство своих стран (Дж. Буша старшего, М. Тэтчер и Ф. Миттерана) и их действия в районе Персидского залива и, в результате, одобрили военную операцию против Ирака. Движение протеста, участниками которого являлись, главным образом, пацифисты, имело место в странах Запада, но массовый характер оно так и не получило и, кроме того, оказалось фактически локализовано среди лиц, имеющих левые взгляды. Мусульманские общины стран Запада, в условиях, когда в них росла напряженность и усиливалась враждебность по отношению к арабам, проявили свою пассивность.

В 1998 г., когда вновь обострилась проблема Ирака, «консенсус» стал разрушаться: если жители США и Великобритании, также как и их руководство, выступило «за» военную операцию против Ирака, то жители Франции – «против». В 2002-2003 гг. эти тенденции стали еще более очевидными: жители США (80 %) считали, что С. Хусейн – это «большая угроза для мира на Земле» и, вследствие этого, военная операция против Ирака рассматривалась ими как составляющая борьбы против международного терроризма, которая развернулась после событий 11 сентября 2001 г. Жители Великобритании поддержали эту точку зрения, тогда как жители Франции окончательно сформировали по отношению к военной операции против Ирака свою критическую позицию.

В апреле 2003 г. организация Gallup international провела комплексный опрос в странах Запада – в США и Великобритании, в Испании, а также во Франции и Германии. В результате выяснилось, что жители стран-участниц военной операции против Ирака – США (68 %) и Великобритании (54 %) считали, что она «абсолютно оправдана», однако, не согласились с этим 20 % и 31 % соответственно. Жители Испании же, хотя их страна и выступила в поддержку военной операции против Ирака, все-таки солидаризовались с европейцами: большинство испанцев (68 % против 22 %) считало, что она неоправданна. Респонденты из Франции (65 % против 27 %) и Германии (68 % против 28 %) считали, что военная операция против Ирака была неоправданна [4].

Спустя еще полгода, 68 % (против 29 %) европейцев в целом полагало также [5]. Кроме того, благоприятное отношение к США со стороны европейцев, которое сложилось ранее, еще во время Кувейтского кризиса, в дальнейшем, в условиях формирования так называемого «нового мирового порядка», когда усиливался гегемонизм США, сменилось на неблагоприятное.

Это свидетельствует о том, что, в настоящее время, общественность стран Запада активно реагирует на исторические по своей сущности события, которые фиксируют определенные этапы в формировании новой, после Ялтинско-Потсдамской, системы международных отношений, а ее мнение в отношении иракского кризиса ощущает на себе их воздействие.

1. Источник: ABC News / The Washington post.
2. Источник: The Guardian / ICM.
3. Источник: SOFRES. L' Etat de l' opinion. 1991, 1992, 1999, 2003, 2004. P.: Seuil, 1991, 1992, 1999, 2003, 2004.
4. См. сайт Gallup international: www.gallup.com.
5. Eurobarometer 60. Public opinion in The European Union. Spring 2003.

Образ Чингисхана в политической культуре Монголии 1920-х годов

А. В. Михалёв

Бурятский Государственный Университет

После национально-демократической революции 1921 года в МНР активно начался процесс национально-государственного строительства. Монгольская республика нуждалась в национальной идее, на основе которой можно было скрепить новое государство. Коминтерн и большевики, оказавшие большую помощь монголам в ходе революции, могли предложить лишь марксизм, совершенно чуждый кочевому населению страны. Поэтому часть монгольских деятелей обратилась к образам прошлого, чтобы продолжить традицию государственности, начатую Чингисханом.

Необходимо учесть важный аспект, касающийся революции, которая всегда выступает как новая точка отсчета. Это время, когда возникают новые мифологии, вытесняющие старые образы. В сфере политики в социалистической Монголии это будет миф о пламенном борце

революции Сухэ-Баторе. В 1920-е годы образ Сухэ-Батора еще не был мифологизирован, а генеалогия государственности возводилась к старым мифам, что хорошо прослеживается на примере традиции историописания. В 1920-е годы носителями данной традиции были представители политической элиты, для которых идея государства была неразрывно связана с именем Чингисхана.

Например, Максаржав (Максар хурц) – известный летописец, учитель монгольского языка Богдо – хана, после 1921 года первый министр юстиции Монголии, написал книгу «Монгол Улсын шинэ түүх» (Новая история Монголии) [2]. Свою работу он продолжал с 1924 по 1927 год, но она так и не была опубликована. Эта книга вышла в свет лишь в 1994 году, благодаря усилиям монгольских историков О. Батсайхана и З. Лонжида. Автор этого труда являлся непосредственным свидетелем не только революции 1921, но и событий 1911 года. В это время монгольский народ поднимался на борьбу с целью возрождения утраченной национальной государственности, которая, как отмечал Максаржав, уходит своими корнями еще в эпоху Чингисхана. Поэтому обращение к данному образу для автора неслучайно, а его история выступает как форма легитимации государства, которое должно было, как и во времена Чингисхана, объединить все монгольские народы.

Другим, не менее интересным источником того времени, является книга, написанная премьер-министром монгольского правительства А. Амаром «Монголын товч түүх» (Краткая история Монголии) [1]. Десятая глава этой книги полностью посвящена вопросам, связанным с деятельностью Чингисхана. Автор предпринял попытку провести определенные исторические аналогии между эпохой Чингисхана и 1920-ми годами. Для Амара, возглавлявшего правительство Монголии, традиция государственности связывалась лишь с именем Чингисхана. Критически о данном труде отзывался Э-Д. Ринчино: «Амар принялся писать историю Монголии, что не плохо, но он напустил такого густо-красного национализма, что можно просто задохнуться». Его книга впоследствии послужила основанием для обвинения в панмонголизме. Амар Анандын был расстрелян в 1941 году.

Многие политические деятели Монголии 1920-х годов обращались к историческому прошлому, так Лхумбо написал большую урапатриотическую статью о Чингисхане в газете «Унэн». Другой монгольский политический деятель Дэמיד выступил с заявлением, что

учение Маркса в Монголии совершенно неприемлемо, ввиду ее крайней отсталости и полунатурального хозяйства.

Рассматриваемая нами тенденция в политической культуре была также представлена в выступлении наркома просвещения Бурят-монгольской АССР Б.Б. Барадина на Первом Великом хурулдане Монгольской Народной Республики в ноябре 1924 года. Б.Барадин начал свое выступление с упоминания о Чингисхане и его государстве, при этом он отметил: "... Наши халха-монголы образовали Народное правительство, после долгого застоя начав строительство своей государственности", и пожелал плодотворной работы "по объединению всех монгольских племен" [3].

Политическая культура МНР на ранних этапах своего существования представляла собой совокупность мифов, которые несли в себе определенную политическую программу. Обращение к образу Чингисхана означало стремление к объединению всех монгольских народов, проживавших как в России, так и в Китае. Победа во внутрипартийной борьбе сил, ориентированных на Москву и Коминтерн, означала не просто смену политической мифологии, а возникновение новой генеалогии идеи монгольской государственности. Новой точкой отсчета, начиная с 1930-х годов, стали считать Октябрьскую революцию в России, давшую импульс монгольской революции, в ходе которой возник новый тип государства. После реформ 1990-х годов в Монголии стали снова обращаться к утраченным политическим идеям. Именно в это время стали доступными и были опубликованы труды ранее упоминавшихся политических деятелей 1920-х годов.

1. *Амар А.* Монгол товч түүх – УБ., 1989
2. *Максаржав Н.* Монгол улсын шинэ түүх – УБ., 1994
3. Неизвестные страницы истории Бурятии (Из архивов КГБ). – Выпуск 1. – Улан-Удэ, 1992.
4. *Ширэндэв Б.* Монгол ардын хувьсгалын түүх – УБ., 1999

Специфика анализа современных политических процессов в странах Тропической Африки

Н. И. Пискунова

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ

Сегодня очевидна необходимость комплексного анализа тенденций развития международных отношений как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Важно уделять особое внимание процессам, происходящим на конкретном региональном пространстве, поскольку сегодня уже большинством исследователей признается, что региональные процессы и проблемы способны качественно влиять на ход мировых политических процессов. Сегодня важно понять специфику развития политической ситуации в странах «мировой периферии», в связи с тем, что именно отдаленная периферия сегодня рассматривается одновременно и как потенциальная зона, из которой будет исходить угроза глобальному политическому развитию, и как место появления и апробирования принципиально иных моделей развития международных отношений.

Особое внимание следует уделять поддержанию стабильности правящих режимов [1]. Опыт показал бесполезность попыток искусственно создать на африканской почве какие-либо каноны. В современных условиях это относится к стремлениям «привить» африканцам идеалы либеральной демократии. Такие схемы, как свидетельствует практика, идут крайне медленно, или же предстают своей оборотной стороной, когда за ширмой демократической идеологии правят диктаторские режимы. Уместно показать исходную базу, на основе которой апробировались западные модели «правильного правления». Принципиально, что сегодня бытует заблуждение о том, что исходным моментом для внедрения демократии был период, наступивший непосредственно после распада Советского Союза, который повлек за собой цепную реакцию крушения режимов в странах Третьего Мира. Проблема заключается в категоричном утверждении о том, что отправная точка, или внутренний контекст перехода к демократии в этих странах – это открытие социалистических режимов. Используя классический исторический подход для анализа непосредственного момента перехода, можно прийти к заключению, что еще задолго до установления в этих странах модели социалистической демократии там уже существовали

достаточно эффективные схемы правления, которым, сегодня не уделено должного внимания. Генезис государства и системы правления в странах Третьего Мира был отличен от процесса становления государственности в других регионах мира. Система государственного управления в странах Тропической Африки изначально развивалась по жесткому образцу, который сегодня условно причисляют к авторитарным. Страны Африки не пошли по пути создания полисов, общин или иных форм, при которых имеет место представительская форма власти. Характеристиками африканского государства на раннем этапе развития являлись [2] обожествление правителя и приписывание ему благотворящих функций, отсутствие частной собственности, реципрокность, неравномерное участие в процессе материального производства, особая система делегирования власти, при которой принудительный принцип преобладал над согласительным [3]. Колониализм и привнесенная им западная система правления, не отталкивались от традиционной формы правления региона. В итоге после ухода метрополий по странам континента прокатилась волна военных переворотов, которые проходили под демократическими лозунгами, а на самом деле вели к образованию диктаторских режимов. Сегодня ясно, что попытки сломать естественную для восточных обществ в целом и для африканских – в частности, патронатно-клиентельной систему правления [4], бесполезны, так как это не приведет к распространению демократических норм. Сегодня все больше исследователей считают, что в развивающемся мире в целом и в Африке идет консолидация не демократии, но неких «гибридных» форм [5], сочетающих авторитаризм и демократию, и при этом довольно успешных. Сегодня акцент в изучении правления в этих странах смещается в сторону анализа реально существующего положения, а не проблемы неприменимости западных вариантов. Уместнее говорить не о переходных, а о специфических формах правления. Ряд известных политологов предложили свои разработки в этом направлении: Л. Даймонд предлагает оперировать понятием «гибридный режим», Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер используют термины «демократура» и «диктабланда», Х. Линц, С. Липсет и Л. Даймонд совместно предложили термин «полудемократии». Более того, поскольку традиции развития политических процессов изменяются от общества к обществу, то и «рецепты» ответственного правления, если они вообще возможны, должны быть различными, коль скоро необходимо сохранить равновесие между результативностью и определяемыми культу-

рой политическими ожиданиями. Таким образом, выделилась тенденция рассматривать проблемы, связанные с переходом стран на демократический путь развития как взаимосвязанные со спецификой развития стран Тропической Африки.

1. "Good Governance", *Internationale Politik*, 2000, *Consolidating the Third Wave Democracies: Themes and Perspectives* / Ed. by L. Diamond, M.F. Plattner. Baltimore; London, 1997; Democracy Assistance, London, Routledge, 2000; *Lin Z. and Stepan A. Problems of democratic transition and consolidation*. Baltimore and London: the John Hopkins University Press, 1996.

2. *Кочакова Н.Б.* Раннее Государство, Москва, 1999

3. *Lloyd P.* The Study of the State. African Kingdoms and the Early State. The Hague, 1981

4. Эволюция традиционных институтов в колониальной и постколониальной Африке. М., 2001, Глобализация и поиски национальной идентичности в странах Востока, МГИМО (У) МИД России. Отв. ред.: Л.М. Ефимова, Л.Б. Алаев. М., 1999, Политическая культура стран Азии и Африки / МГИМО(У) МИД РФ. Каф. востоковедения; Отв. ред. Л.М. Ефимова. М., 1996; *Schraeder P.J.* African Politics and Society: A mosaic in transformation. Boston: Bedford; New York, 2000; *Tukumbi Lumumba-Kasongo.* The rise of Multipartyism and Democracy in the context of Global Change: the case of Africa. Westport, 1998; Political discourses in African thought. Westport, 1999.

5. *Diamond L.* Thinking about Hybrid regimes // *Journal of Democracy*, Volume 13, Number 2, April 2002.

Основные факторы усиления геополитического влияния КНР в АТР

С. В. Пономарев

Новосибирский Государственный Университет

За последние три года мы стали свидетелями многих знаковых событий, являющихся серьезным симптомом кризиса как существующей системы международных отношений в целом, так и системы безопасности в частности. Примером тому служит 11 сентября 2001 г., после которых последовало провозглашение общемировой борьбы с терроризмом; активизация действий США и возглавляемой ими коалиции на Ближнем Востоке, вылившаяся, в итоге, в развертывание крупномас-

штабных боевых действий в Афганистане и Ираке; эскалация напряжения на Корейском полуострове в связи с развитием ядерной программы КНДР. Эти факты говорят о возросшем числе вызовов и угроз, которые расшатывают систему международных отношений, сложившуюся после «холодной войны». Таким образом, мы можем сделать вывод о большой вероятности полной трансформации системы или, как минимум, о ее серьезной перестройке. Одной из важнейших (но не единственной!) причин данного процесса является активное развитие во всех сферах государств, имеющих потенциал превратиться в новые полюса мировой политики, создав, тем самым, противовес США на международной арене. Одним из наиболее очевидных конкурентов США уже сегодня является и, несомненно, будет являться и в дальнейшем КНР. Если принять изложенные выше положения, то все более актуальным становится исследование парадигм проводимой КНР политики в АТР и процесса становления Китая в качестве «регионального гегемона», что, в итоге, должно помочь дать адекватное представление о месте и роли Китая в будущем мироустройстве.

Основные цели внешней политики КНР в регионе представляется возможным разделить на три основных направления.

Усиление собственной политической позиции в АТР

Вытеснение влияния США в регионе

Уменьшение фактора политической и военной нестабильности и непредсказуемости в АТР

Хотя подобное деление достаточно условно, но все же представляется целесообразно рассмотрение каждого аспекта отдельно. В свою очередь в процессе геополитического усиления КНР в АТР можно выделить несколько составляющих.

Во-первых, несомненна первоочередная важность оборонной составляющей. Сегодня НОАК находится в процессе реформирования, официальный старт которому был положен Цзян Цзэминем на XVI съезде КПК в ноябре 2002 г. Причин у этого решения несколько: 1. Важная идеологическая составляющая для признания странами АТР доминантной роли КНР в регионе. 2. Потенциальная возможность противодействия развернутым в регионе силам потенциальных соперников (в первую очередь США и их союзников). 3. Решение Тайваньского вопроса, который в условиях сегодняшней позиции Белого Дома все больше переходит из сферы дипломатии, экономики и социологии в военную сферу. 4. Появление помимо «давних» конфликтных зон в

регионе новых «нетрадиционных» проблем безопасности, таких как сепаратизм, терроризм, экстремизм, решение которых невозможно иначе как с позиции силы. Вследствие этого, руководством КНР были поставлены новые задачи, которые нашли свое воплощение в изменении оборонной доктрины государства. Китай должен стать «Великой морской державой», выйти и закрепиться в космосе, модернизировать вооружение и оснащение ВВС, ВМФ и сухопутных войск в соответствии с последним словом техники, одновременно уменьшив численность НОАК при сохранении в неприкосновенности мобилизационного резерва. Особо необходимо отметить активизацию «военной дипломатии» КНР по отношению к потенциальным союзникам, в частности к России, так с 2002 г. резко возросли объемы военно-технической торговли, были окончательно демаркированы границы, намечен план совместных учений и т.п. Те же процессы заметны и в китайско-индийских (демаркация границ в районе Джамму и Кашмир, взаимные визиты кораблей ВМФ) и китайско-вьетнамских (решение территориальных вопросов, возникших после 1979 г., разминирование минных полей) отношениях.

Во-вторых, в условиях развития экономической интеграции стран АТР, Китай, претендующий на роль ведущей экономической и политической державы региона, не может остаться в стороне от данного процесса, и заинтересован в формировании единого пространства со странами региона во многих направлениях – торговля, транспорт, инвестиции. Это не представляется возможным вне таких международных организаций как АСЕАН и АТЭС, активное участие в которых также дает Китаю рычаги политического и экономического влияния и лоббирования собственных интересов в регионе. В русле данной задачи Китай подписал в 2002 г. рамочное соглашение с АСЕАН «о всестороннем экономическом сотрудничестве», в конце 2002 г. был принят «Меморандум о сотрудничестве в области информации и телекоммуникации», резко активизировалась деятельность дипломатии КНР в рамках программ «АСЕАН плюс три» и «Диалог с партнерами». Создание тесно интегрированной системы экономических отношений в регионе позволит Китаю осуществлять маневры определенного характера на региональном уровне в целях обеспечения стабильности и безопасности экономики страны. Особо стоит отметить и стремление Китая превратить национальную валюту в свободно конвертируемую валюту для всего АТР, а создание единого рынка товаров и услуг является пре-

красной возможностью для этого. Уже сейчас можно говорить о единой экономической зоне, сложившейся из наиболее экономически и рыночно развитых провинций Китая на юге страны и ряда государств региона. Еще больше катализировало этот процесс вхождение в состав КНР Гонконга и вступление самого Китая в ВТО. Официальным подтверждением этого является активная позиция КНР в недавно созданной Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Плюс к тому в рамках экономической составляющей геополитического усиления КНР в регионе важное значение приобретает проблема налаживания, укрепления и охраны транспортных связей. Эта задача важна не только для процесса интеграции, описанного выше, но и по причине все большей зависимости развивающейся промышленности Китая от импорта топлива.

В-третьих, стремление Китая занять место единоличного регионального лидера не может не вызывать опасения не только у основных геостратегических противников данного явления, таких как США, но и у стран региона, стран-членов АСЕАН. Поэтому не менее важна и идеологическая составляющая реализации целей внешней политики КНР в регионе. Она выражается с одной стороны – в создании и поддержании имиджа дружественной державы и надежного делового партнера (эта линия просматривается во всех программных документах КНР), с другой стороны – в реализации таких программ, которые будут ярко иллюстрировать достижения КНР во всех сферах, и привлекать к сотрудничеству страны региона, например, первый самостоятельный пилотируемый космический полет.

Дальнейшее развитие внешней политики КНР в рамках обозначенных тенденций является залогом расширения и укрепления своего влияния в регионе, что позволяет более активно разрабатывать указанные выше направления (Вытеснение влияния США в регионе; уменьшение фактора политической и военной нестабильности и непредсказуемости в АТР). Такое развитие событий дает нам основание сделать вывод о неизбежном изменении расстановки сил как в АТР, так и в мире уже в среднесрочной перспективе.

Великобритания и палестинская проблема на Парижской мирной конференции 1919 года.

Е. А. Рогашова

Московский педагогический государственный университет
им. В.И. Ленина

Еще до окончания Первой мировой войны страны Антанты несколько раз собирались для обсуждения предстоящих послевоенных территориальных разделов. Палестинская проблема к этому времени стараниями Великобритании была очень запутана.

Во-первых, по договору Сайкс-Пико от 1916 года, заключенному между Францией, Англией и Россией (позднее, уже после вступления в войну на стороне союзников, к нему присоединилась Италия), Палестина объявлялась международной территорией, находящейся под общим патронажем держав на том основании, что является колыбелью трех мировых религий. Позиции Франции и России по этому вопросу совпадали, поэтому Великобритании не оставалось ничего другого, как подчиниться решению союзниц.

Во-вторых, Англия, понимая всю сложность ведения боевых действий на Ближнем Востоке, стремилась привлечь на свою сторону национально-освободительное движение арабов против Османской империи, под предводительством шерифа Мекки Хусейна Аль-Хашими. В течение 1915-1916 гг. шла активная переписка шерифа и британского верховного комиссара в Каире Генри МакМагона. Арабы обещали поднять восстание, но взамен требовали себе ряд ближневосточных территорий (в том числе Палестину), которые после войны должны были войти в состав единого независимого Арабского государства. Великобритания согласилась на эти условия.

В-третьих, уже в самом конце войны, появляется еще один документ, содержание которого снова кардинально противоречит, на этот раз уже обоим принятым ранее документам. Речь идет о так называемой Декларации Бальфура (1917 г.), оформленной в виде письма министра иностранных дел Великобритании лорда Бальфура барону Ротшильду, в котором английское правительство обещает покровительствовать созданию на территории Палестины еврейского государства.

Таким образом, к началу Парижской мирной конференции, у английской дипломатии имелось три основных официальных документа, содержание которых взаимоисключало друг друга. Но Великобритания

не собиралась выполнять ни одно из взятых на себя обязательств (по крайней мере, полностью), а противоречивость соглашений только облегчала их отрицание. Кроме того, к этому времени, вся территория Палестины была оккупирована английскими войсками, что давало Англии сильные рычаги в управлении ситуацией.

Еще одним фактором разрешения данного вопроса в интересах Великобритании было то, что Россия из-за внутренних проблем, не принимала участия в конференции и, таким образом, не оказывала воздействия на сложившуюся обстановку, оставляя ослабленную войной Францию один на один с ее основной соперницей в предстоящем дележе. Это отлично понимала как сама Франция, так и Англия. Поэтому, когда Д. Ллойд Джордж поставил в известность Ж. Клемансо о том, что Великобритания заинтересована в Палестине, никаких возражений не последовало, хотя данное заявление напрямую противоречило тексту договора Сайкс-Пико. Франция надеялась на поддержку Англии в германском вопросе и все-таки намеревалась заполучить Сирию.

Так же легко Великобритания обошла обещания, данные арабам. Хотя на конференцию в январе 1919 года прибыла делегация во главе с эмиром Фейсалом (сыном Хусейна) от образованного в Дамаске арабского национального правительства, официально она получила статус только делегации Хиджаза. Поэтому Фейсал был вынужден лавировать, чтобы получить хоть что-то и даже подписал соглашение с сионистами, которые также прислали свою делегацию, во главе с доктором Вейцманом.

Кроме того, Великобритания для укрепления собственных позиций на конференции настояла на том, чтобы делегациям от ее доминионов были предоставлены равные с другими делегациями права (под предлогом того, что их военные формирования принимали равное участие в военных действиях), что автоматически добавляло ей голосов при голосованиях. На конференции были представлены делегации от ЮАС, Канады, Австралии и Новой Зеландии.

Но была еще одна проблема, от успешного решения которой зависело удастся ли Англии официально закрепить свои притязания на Палестину, - США. Провозгласив свои «14 принципов» и предложив создать Лигу Наций, президент Вильсон был совсем не против заполучить часть ближневосточных территорий под американский мандат. Великобританию это тоже устраивало: «сделав такое предложение Америке,

мы устранили бы все подозрения по поводу наших «захватнических стремлений», - утверждал в своих мемуарах Д. Ллойд Джордж. О подобных намерениях свидетельствуют и выводы комиссии Кинга-Крейна, летом 1919 года работавшей на территории Палестины. Но неожиданно Сенат отказался принять предложенные мандаты, что автоматически сделало Англию хозяйкой на тех ближневосточных территориях, которые она захватила, в том числе и в Палестине.

Таким образом, на Парижской мирной конференции Великобритании без особых усилий удалось фактически получить мандат на Палестину. 25 апреля 1920 на конференции в Сан-Ремо мандат был вручен ей официально.

Временное население в Китае

Ф. Г. Сусов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

После начала проведения политики реформ и открытости для крестьян расширились возможности переезда в город. Мигранты в Китае делятся на два типа. Первые – те, которые, переехав в город, изменили и свою прописку, вторые же – получившие статус временных жителей. Так называемое «временное население» появилось в 1985 году, после принятия министерством общественной безопасности постановления об управлении временным населением.

Изучение временного населения в КНР является чрезвычайно важным для понимания многих экономических, социальных и культурных процессов протекающих в Китае. Мигранты из сельской местности лишены многих привилегий, которые имеют городские жители. Городская прописка предоставляет систему социального страхования, включающую пособия по безработице, пенсии по старости, медицинское обслуживание и прочее. Таким образом, временное население – это очень дешёвая рабочая сила. Однако, с другой стороны, сосуществование двух совершенно разных социальных слоёв на территории города создает крайне взрывоопасную обстановку в обществе.

Временный мигрант – это ещё и новый феномен в традиционном устройстве китайского общества. Сегодня на примере временного населения мы видим ломку общинного уклада, существовавшего в Китае в течение многих веков. Человек, покинувший свою общину и отпра-

вившийся на заработки в город, со временем теряет связи со своими родственниками.

В виду этих, а также некоторых других причин, анализ временного населения является крайне интересным. При этом процесс урбанизации, ускорившийся в Китае в последние годы, неразрывно связан с процессами миграции, что придаёт ещё большую значимость данной работе.

Начиная с 1980 года, численность временного населения неуклонно росла. В начале 80-х их было чуть более 2 миллионов, а в 2000 года цифра превысила 120 миллионов человек [1]. Данные не совпадают в разных источниках. По данным ГСУ КНР за 2002 год общее количество населения, покинувшего прежнее место жительства, составило 114 млн. чел [2], из них более 6 миллионов не зарегистрировались на новом месте, (данные не учитывают выехавших за границу). По данным министерства общественной безопасности КНР в 2001 году общее количество зарегистрировавшегося временного населения в Китае составило 47,44 млн. человек, что составляет 8,5% от всего городского населения в Китае [3]. Разумеется, количество мигрирующего населения в Китае гораздо больше, так как последняя цифра не включает мигрантов, имеющих городскую прописку, а также нелегалов.

В 1997 году Административное бюро Регистрации опубликовало статистику за 1997 год по временному населению. Было охвачено 28,45 миллионов временных жителей, или 76,3% от всего зарегистрировавшегося временного населения в 1997 году.

Большая часть временного населения, почти 60%, находится в городах от месяца до года, реально же оседает в городах только 25%. Это говорит о том, что крестьянин не рассматривает, да и не может рассматривать город как постоянное место жительства. В первую очередь это связано с тем, что статус временного жителя не даёт никаких социальных гарантий, а ввиду низкой заработной платы крестьянин не может осесть в городе.

По характеру занятости временное население в первую очередь привлекает вторая сфера экономики. В обрабатывающей промышленности и строительстве занято более 56%. Логично, что здесь мужчин почти в два раза больше, чем женщин. Такое количество временного населения, сосредоточенного в этой сфере обусловлено спросом на дешёвую рабочую силу. Очень малая доля временного населения дан-

ной группы задерживается в городе меньше, чем на один месяц, что объясняется продолжительностью строительства объектов.

Интерес для анализа представляет миграция временного населения, а также её связь с занятостью. Из-за разницы в доходах между деревней и городом, а также большими экономическими возможностями городского населения, большинство временного населения приходит в города из деревень и посёлков (68,7%). Однако доля, пришедшая из городов, также значительна (30,7%) [4].

В Китае существует большая разница в развитии и в численности населения между многими регионами, поэтому разумно было бы предположить, что доля мигрантов между провинциями должна быть много больше их доли внутри провинции. Однако всего около половины всех мигрантов (53,2%) [4] пересекают границы регионов. Этому может быть несколько объяснений. Наверное, главным препятствием являются культурные различия между провинциями, главным образом несоответствие диалектов. Среди временного населения просматривается зависимость между характером занятости и предыдущим местом проживания мигранта, или его происхождением.

Ситуация с проблемой временного населения в Китае будет не достаточно проанализирована, если не рассмотреть вопрос аккомодации мигрантов. Статистика показывает, что основными местами их проживания являются местожительства, принадлежащие работодателям (31,4%), арендуемые квартиры (29,3%), а также стройплощадки (15,8%). Условия в квартирах несравнимо лучше двух других альтернатив, однако всё временное население из-за низких доходов не может себе позволить арендовать жилплощадь, поэтому вынуждено проживать в очень плохих условиях. Это в свою очередь усиливает социальные противоречия между коренными горожанами и временными.

Ещё одной важнейшей проблемой является получение образования. В 90-х годах произошли изменения в структуре мигрантов. Если ранее на заработки отправлялись в одиночку, то теперь всё больше – семьями [5]. Согласно 5-й переписи населения в 2000 году количество мигрирующего населения внутри страны превысило 100 млн. человек, из которых 19,82 млн. приходится на детей до 18 лет, другими словами, их доля составляет 19,37% [6].

В связи с этим довольно остро встаёт вопрос невозможности получения образования. Доля детей среди мигрантов, не поступивших в школы, но достигших необходимого возраста составляет 9,3%.

Проблема выплаты заработной платы крестьянам рабочим в городах также остро беспокоит временных мигрантов. Существуют случаи, когда рабочий не может получить вознаграждение в течение нескольких лет. По неполной статистике к 22 апреля 2004 года претензии на заработную плату со стороны крестьян-рабочих, занятых в строительстве составляли 25,8 млрд. юаней, из которых было погашено 80,5%. Из них 15,7 млрд. юаней приходится на 2003 год, из которых погашено 96,5% [7].

Заканчивая анализ временного населения Китая надо сказать несколько слов о географии его расположения. Быстро развивающийся Восток Китая предоставляет наибольшее количество возможностей для заработка, поэтому там и сосредоточена основная масса мигрантов. Это два города центрального подчинения: Пекин (1,28 млн. человек временного населения) и Шанхай (1,39 млн. человек); а также 5 провинций Гуандун (10,68 млн.), Цзянсу (3,4 млн.), Чжэцзян (2,47 млн.) Фуцзянь (1,58 млн.) и Шаньдун (1,48 млн.). На долю этих 7 регионов приходится 59,8% [8] всего зарегистрированного временного населения Китая. И здесь видно, что процесс миграции в Китае отнюдь не уравнивает диспропорции в количестве и плотности населения по всему Китаю, а напротив создаёт дисбаланс.

Разумеется, всё зарегистрировавшееся временное население – это далеко не все мигранты в Китае. Однако на его примере основные тенденции всё же прослеживаются. Временное население превратилось в отдельную страту, можно даже сказать, в отдельный класс общества. В виду своего низкого социального статуса, мигрант вынужден соглашаться на ужасные жилищные условия и низкую заработную плату, которая не даёт ему обосноваться в городе. Корень проблемы заключается в дискриминационной позиции китайского правительства по отношению к мигрантам. Всё же необходимо отметить, что в последние годы правительство КНР озаботилось проблемой временных мигрантов, в некоторых регионах отменяется система прописки, устанавливается минимальный уровень заработной платы, снимаются квоты на выдачу сертификатов временных жителей. Однако единая государственная политика в масштабах всего Китая так и не выработана, что, пожалуй, чрезвычайно сложно в специфических условиях Китая.

1. Дуань Чэнжун «Проблемы социального приспособления мигрирующего населения в городах». Научный доклад о развитии китайско-

го общества 2002. Народный университет Китая. Изд-во Народного университета Китая. 2003, стр. 308.

(段成荣, "流动人口在城市的社会适应问题", 中国人民大学中国社会
社会发展研究报告2002/郑杭生主编, 北京: 中国人民大学出版社, 2003
。第308页。)

2. Чжунго тунци няньцзянь 2003. Пекин. ГСУ КНР. Пекин, 2002.
Табл. №4-6 (Китайский статистический ежегодник, 国家统计局:
中国统计年鉴- 2003, 表4-6). Электронная версия.

3. «Полное обновление облика городов», статья. Государственное
статистическое управление КНР. (国家统计局 -
城市面貌焕然一新) 2002.11.04 09:22:49

<http://www.stats.gov.cn/was40/detail?record=1&channelid=6697&presearchword=%D4%DD%D7%A1%C8%CB%BF%DA>

4 Shen Jianfa, "A study of the temporary population in Chinese cities". –
Habitat International 26(3) Sept. 2002. Page 367.

4. Там же.

5. Дуань Чэнжун ... стр. 317.

6. Су Минь, «Доля китайских детей мигрантов лишившихся образова
ния достигла 9,3%, остро встал вопрос «детей-рабочих», Источник:
Газета китайской молодёжи, 6.11.2003, Правами обладает сайт эконо
мики Китая ce.cn

(苏敏, 我国流动儿童失学率高达9.3%“童工”问题突出

2003/11/06 ; 来源 : 中国青年报 ; Copyright (C) 2003 中国经济网 ce.cn)

7. «Установлено расписание погашения задолженности по зарабо
тной плате крестьянам-рабочим», газета «Цзинци Жибао» от 21.5.2004,
стр. 2. (“农民工工资清欠排定时间表”, 来源 : 经济日报2004/5/21
第二版)

8. Все данные: Shen Jianfa, "A study of the temporary population in
Chinese cities". – Habitat International 26(3) Sept. 2002. Page #370.

Особенности государственного регулирования иностранных инвестиций во Вьетнаме

А. А. Тарбеева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД РФ

Иностранные инвестиции – объективная необходимость экономи
ческого развития любого государства, они содействуют экономическо
му росту путём более эффективного использования национальных ре
сурсов принимающей страны и дают возможность использовать её
конкурентные преимущества иностранным инвесторам.

Наибольшую роль в привлечении инвестиций играют такие ключе
вые факторы как политическая стабильность, емкость внутреннего
рынка, финансовая устойчивость, уровень развития производственной
и транспортной инфраструктуры, наличие достаточно квалифициро
ванной рабочей силы. Но не менее существенным фактором является
инвестиционная политика принимающего государства, обеспечиваю
щая гарантии иностранным инвесторам в рамках эффективной и чёт
кой правовой системы. Именно инвестиционная политика определяет
специфику направлений и средств регулирования допуска иностран
ных инвестиций в принимающую экономику, а также средств, стиму
лирования их привлечения.

С тех пор как во Вьетнаме в 1986 г. было принято решение о начале
программы экономических реформ (так называемая «Doi Moi» – поли
тика обновления), экономика страны начала постепенный переход от
системы централизованного планирования к использованию механиз
мов регулирования рыночного типа. С началом экономических реформ
привлечение иностранного капитала во Вьетнам стало одним из основ
ных направлений внешнеэкономической политики страны: приоритет
ное значение приобрели прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

Целью исследования является рассмотрение национальной инве
стиционной политики Вьетнама и выделение особенностей государст
венного регулирования иностранных инвестиций. Для этого необходи
мо охарактеризовать отношение Вьетнама к иностранному капиталу в
целом, дать подробный анализ соответствующей законодательной ба
зы, рассмотреть основные инструменты регулирования и стимулирова
ния его притока в страну.

Проблема привлечения иностранного капитала и, в первую очередь, ПИИ в экономику актуальна для Вьетнама, прежде всего, тем, что этот процесс протекает ныне в весьма специфических и непростых для этой страны условиях. Как известно, в последние годы восточноазиатский регион (ВАР) в целом привлек больше иностранного капитала, чем любой другой регион мира с преобладанием развивающихся стран.

Однако этот мощный приток иностранного капитала в регион распределялся крайне неравномерно (подавляющая часть ПИИ размещается в Китае). Именно Китай стал основным конкурентом в данном отношении для других развивающихся государств ВАР, в том числе и для Вьетнама. Но Вьетнаму одновременно приходится вести не менее сложную конкурентную борьбу за иностранные инвестиции и с ними, в частности, со странами-партнёрами по АСЕАН.

Именно в соперничестве с этими странами выявляются как наиболее сильные конкурентные позиции Вьетнама, так и его слабые стороны. Проведённый автором анализ показал, что из стран-конкурентов АСЕАН главным соперником Вьетнама в плане привлечения ПИИ выступает Таиланд: многие иностранные компании в настоящее время рассматривают возможности новых инвестиций именно в Таиланде и Вьетнаме. Таиланд представляется им более надёжной, но менее динамичной зоной инвестирования, в то время как во Вьетнаме иностранных инвесторов привлекает общий динамизм развития страны, ностораживает менее привлекательный инвестиционный климат.

В связи с этим, построение эффективной системы государственного регулирования прямых иностранных инвестиций является одним из важнейших приоритетов работы правительства Вьетнама на ближайшие годы. Результаты проведенного исследования позволят оценить эффективность привлечения иностранного капитала во Вьетнам и использовать вьетнамский опыт при формировании инвестиционной политики России.

1. Law on foreign investment (1996), Amendments and additions (2000)
2. No. 12/2000/ТТ/ВКН Detailed regulations on the implementation of the law on foreign investment in Vietnam (31/07/2000)
3. No. 24/2000/ND-CP Guidelines for foreign direct activities in Vietnam (15/09/2000), amendments No. 27/2003/ND-CP (19/03/2003)
4. Guide to the Investment Regimes of the APEC Member Economies, 2003, 689 pages

5. *Raymond Mallon*. Managing Investment Climate Reforms: Vietnam Case Study, January 2004, 52 pages

6. World Development Report 2005: A better investment climate for everyone, 271 pages. A copublication of the World Bank and Oxford University Press, September 2004. <http://worldbank.org/data/wdi2004/>

Центральноазиатский регион СНГ как новое геополитическое образование

Т. С. Хабиев

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Современный облик Средней Азии и Казахстана во многом является результатом изменений, происходивших в эпоху Нового и Новейшего времени. В этот период регион, как и многие другие части восточного мира, стал объектом колониальной политики мировых держав. Территории Средней Азии и Казахстана подверглись экспансии со стороны Российской империи, действия которой в целом имели много общего с колониальной политикой других мировых держав в Юго-Восточной Азии, Ближнем Востоке, Африке и т.д. Воздействие внешней силы, усиленное впоследствии включением Средней Азии и Казахстана в пределы государственных границ Российской империи (и в дальнейшем СССР) сыграло ключевую роль в судьбе региона.

Вхождение в состав Российской империи привело к постепенной утрате его историко-культурных связей с остальной («внешней») Центральной Азией, а осуществленные под российским влиянием политические, экономические, социальные и культурные изменения, придали, в итоге, Среднеазиатско-казахстанскому поясу особый облик. Несмотря на то, что многие мероприятия центральных властей (как в Российской империи, так и в СССР) проводились с целью искоренения местных норм политической, общественной и культурной жизни, они не смогли в полной мере осуществиться. Вследствии краха союзной системы проводимые модернизационные изменения оказались незавершенными. Во многих сферах жизни сложился своеобразный симбиоз культур, что, по сути, и является спецификой современного Среднеазиатско-казахстанского региона. Важным следствием воздействия внешнего фактора стало привнесение в регион иной культурной струи, которая изнутри надломилась веками существовавшие здесь некоторые устои традиционного восточного общества. В результате чего, этот

регион после распада СССР предстал особым геокультурным пространством, поскольку многие особенности, которые определяют его в современном мире, заложены именно в период существования в рамках Российской империи и СССР.

Современное внутреннее административно-территориальное деление региона, сложившееся в период его существования в составе Российской империи и СССР, являлось в большей степени формальным актом. Оно абсолютно не учитывало исторически существовавшие здесь традиции государственности, социально-экономические и духовные связи отдельных областей. До российского завоевания государственные образования Средней Азии и Казахстана основывались на территориальной, цивилизационной и конфессиональной общности, население которых не имело выраженного национального самосознания. Регион представлял собой множество локальных хозяйственно-культурных зон, абсолютно не совпадающих ни с политическими, ни, тем более, с этническими (которых, собственно, и не было) границами современных республик. Однако, в условиях жесткой вертикали власти и централизованных экономических перераспределений эти недостатки не имели острого проявления в советский период. Союзный центр оказывал цементирующее влияние на хозяйственные и социальные структуры республик региона.

Устранение же внешнего фактора, вследствие распада СССР, вынудило эти республики (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) начать самостоятельное существование. Особенностью всех центральноазиатских республик СНГ стала экономическая и политическая рыхлость государственных территорий, отсутствие ядра, способного объективно стягивать остальные части страны. Политические процессы в Центральноазиатских республиках СНГ в 1990-е гг. можно рассматривать как пример становления государственности в условиях практически полного отсутствия гражданского общества. Трудности в обретении национально-государственного единства во многом связаны с глубокой традиционностью центральноазиатских обществ.

Межгосударственные отношения республик Среднеазиатско-казахстанского региона в новых условиях характеризуются наличием двух тенденций: интеграционной, выраженной декларативными заявлениями президентов о политическом, экономическом и культурном единстве этих стран; и дезинтеграционной, которая отражена в тенден-

циях реального регионального экономического сотрудничества, складывающихся особенностях внутренней и внешней политики этих государств. Развитие второй тенденции проходит с гораздо большей интенсивностью. Отсутствие экономических интересов во взаимной кооперации, возрастающее значение отношений с теми государствами-соседями, через которые возможен доступ на мировые рынки (например, для Туркмении с Ираном, Казахстана и Киргизии – с Китаем и прежде всего с СУАР), свидетельствует об условности общности республик Среднеазиатско-казахстанского регионального пространства. Вследствии возникших на этапе независимого существования противоречий, особенно в экономической сфере, Центральноазиатский регион СНГ нельзя воспринимать как нечто целое и нераздельное. Наблюдается дрейф Центральноазиатских государств друг от друга и этот процесс идет параллельно и независимо от заявлений о региональной солидарности.

Some Feedback Impacts of Japanese Postwar Transformation on the Contents of Ethnic Identity

Samvel G. Farmanyanyan

Yerevan State University, Armenia

Japan's successful democratization and economic transition after the World War II is an achievement unmatched in the history of non-Western nations. These outstanding achievements drew the world's attention especially in the late 1960-70s, and the term "Japanese miracle" was coined. In fact, many scholars declared that the twenty-first century would be the "Japanese century," and many publications the world over referred to "Japan as number one" [1].

The central aim of this paper is to discuss some particular feedback impacts of Japan's after-war transformation on further construction of post-modernized Japanese ethnic identity from a historical perspective trying to outline the reciprocal nature of the role of Japanese ethnic identity in after-war historical experience. The objectives of this paper are limited to some basic reflections of ethnic identity including Nihonjinron boom, the syndrome of inferiority and superiority, Japan's "internationalization" and interrelation of regional identification versus pan-Japanese ethnic perception.

Though the study of the role of ethnic identity in social transformation raises methodological problems relating to the scale and the impossibility of

isolating the unit of study I have employed combination of qualitative and quantitative methods to investigate the proposed phenomena. Generalization of numerous semistandardized (guided-semistructured) interviews carried out during my field work in Japan in the autumn of 2002 form the methodological cornerstone of the current research paper.

The study of ethnic identity has recently become arguably a major industry, not only in history or anthropology but also in the social sciences as a whole. Identities are timeless, they do not wither away; if old ones disappear or recede new one will be constructed and developed on the basis of the former during a long period of history in case of collective communities and even for individuals.

The rapid postwar economic growth and social transformation has had a great influence on the socio-scientific research on Japan. As a result of such developments a “theory of Japanese culture” or namely *Nihonjinron* entered a prolonged boom since 1960s. Some saw the *Nihonjinron* as an attempt to explore and reconstruct national identity threatened by Westernization [2]. Lie sees the discourse of Japanese-ness as a form of mythology [3]. Itoh regarded it as the dominant response to the crisis of Japanese ethnic identity in the late 1960s [4]. Others regarded the *Nihonjinron* as an ideological instrument of class domination by which the dominant class manipulates the subordinate class by propounding a popular ideology of the uniquely homogeneous and harmonious culture of Japan [5]. The third ones regarded it as a culturalistic attempt to attribute Japan’s economic success to the unique virtues of Japanese society and ethnic identity [6]. Though the interpretations of different approaches towards *Nihonjinron* phenomenon are much more, none of them is comprehensive and unbiased. The paper comes to the conclusion that the burgeoning of *Nihonjinron* literature stands as a feedback impact of Japanese postwar economic and social transformation on the contents of ethnic identity. To be clearer, lengthy debates over Japanese unique culture and ethnic character since 1960-70s appeared to be a “passive form of Japanese ethnicism”.

Based on the aforementioned approach on the reciprocal nature of Japanese postwar transformation, the next question deals with the syndrome of inferiority and superiority. Upon the defeat in WW II the Japanese partially lost the self-confidence, the defeat devastatingly reinforced the syndrome of cultural and ethnic inferiority. The Japanese postwar success and *Nihonjinron* debates along with some other features of Japan’s past history resulted in a new, this time a syndrome of superiority that became particularly obvi-

ous since 1980s. The paper concludes that extensive studies of the theories of Japanese culture appeared at a moment when Japanese self-confidence was raised by the successes of a high growth economy.

One of the obvious impacts of Japanese postwar economic and social transformation on the contents of Japanese ethnic identity deals with the problem of internationalization (*kokusaika*). The paper concludes that the postwar Japanese experience has caused essential transformation in the collective perception of inward internationalization, which appears to include some cultural, economic, and political barriers, while the outward *kokusaika* seems to progress effectively.

While analyzing the feedback impacts of Japanese postwar successful transformation on the contents of ethnic identity, proper attention must be drawn onto the problem of social integration of various Japanese regions, establishment of pan-Japanese infrastructures and its further relation to transformation of Japanese collective self-consciousness and overall ethnic self-identification. The fundamental social transformations in the decades after the end of WW II provided conditions for popular nationhood and substantial disappearance of regional diversity and regional identification. Thus, the sense of belonging to a particular region paled in comparison to more global identification - being Japanese, which is seen as an important impact of postwar Japanese success.

The paper concludes that the interaction between Japanese ethnic identity and postwar economic and social transformation had a reciprocal nature. The lengthy debates in the field of *Nihonjinron*, the peculiar transformation of the syndrome of inferiority into syndrome of superiority as well as the internationalization of Japan and the relation between ethnic and regional identities must be seen as feedback impacts of Japanese rapid success on the contents of ethnic identity. The examination of the problem opens new windows for further multidisciplinary research and proposes a partial revision of some common approaches to many Japanese postwar phenomena.

1. *Vogel, Ezra*. Japan as Number One: Lessons for America. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979.

2. *Befu, Harumi*. Civilization and Culture: Japan in Search of Identity, pp 59-75 in T. Umesao, H. Befu and J. Kreiner (eds.) Japanese Civilization in the Modern World, 1984, a special issue of *Senri Ethnological Studies* (16).

3. *Lie, John*. Multiethnic Japan. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.

4. *Itoh, Mayumi*. Globalization of Japan. Japanese Sakoku Mentality and U.S. Efforts to Open Japan. New York: St. Martin's Press, 2000.

5. *Kawamura, Nozomu*. Some Arguments on Theories of Japanese Culture. Tokyo: Ningen-no Kagakuksha, 1982.

6. *Mouer Ross and Sugimoto Yoshio*. Images of Japanese Society. London: Kegan Paul International, 1986.

Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2005». Секция «Востоковедение, африканистика».

Научное издание

Издательская лицензия ИД №03821 от 25.01.2001
Издательство «Гуманитарий»
Академии гуманитарных исследований

Подписано в печать 20.06.05. Формат 60x90¹/₁₆.
Гарнитура Times. Печать РИЗО. Усл. п. л. 5.85. Уч.-изд. л. 6.
Тираж 200 экз. Заказ № 0.

Отпечатано в Издательском центре ИСАА при МГУ,
ул. Моховая, 11